

Владимир Мамов

СУЗУНСКИЕ ПОДРУЖКИ

ББК 84 Р7
Ш 21

Художник
Лазарева Л. П.

Шамов В. В.
Ш 19 СУЗУНСКИЕ ПОДРУЖКИ. – Новосибирск: ООО «Сибирское книжное
издательство», 2017. – 72 с., илл.

ISBN 978-5-904795-91-0

Книга «Сузунские подружки» приглашает вас в удивительное путешествие в Сузунский район. Вы познакомитесь с историей сузунской земли, узнаете, какие деревья и цветы украшают этот уголок Новосибирской области, какие птицы, звери живут в его лесах, и, конечно, встретитесь с настоящими сузунскими волшебниками.

© Шамов В.В., Лазарева Л.П., 2017

Дорогие юные читатели!

Перед вами книга о нашей родной Сузунской земле. Написал её новосибирский писатель Владимир Викторович Шамов. Вот ведь как бывает – приехал человек к нам в гости и влюбился в нашу землю, в нашу природу, в нашу историю. Для тех сузунцев, кто любит свой отчий край, – это очень приятно, а для тех, кто к нему равнодушен, а мы думаем, что таких мало, пример, как научиться впредь видеть прелесть, волшебство, сказочность в том, что тебя окружает каждый день, что кажется привычным, обыденным.

Мы надеемся, что юные сузунцы прочитают эту книгу, что она поможет им лучше узнать историю своего края, воспринять (почувствовать) сузунские традиции.

Некоторые ребята уже нарисовали рисунки, иллюстрирующие книгу, – они помещены в ней в качестве приложения. Надеемся, что, прочитав эту сказку, читатели нашего района: родители и, конечно, ребята, откликнутся на призыв автора и напишут свои сказки о своих сёлах, улицах, домах, разглядят сказочное, волшебное рядом с собой.

Темой сочинений и рисунков могут стать исторические события, примеры из жизни старших поколений ваших семей. Да, наверное, будет интересен всем уже и собственный опыт, собственные отношения с нашими лесами, реками, пашнями, полями, с людьми – жителями посёлков и сёл нашего района.

Давайте вместе пожелаем «Сузунским подружкам» добрых путешествий по нашему родному краю.

*В. Дубовицкий,
Глава администрации
Сузунского района*

*В. Теряев,
председатель районного
Совета депутатов*

ПОЧЕМУ ПРО СУЗУН?

Дорогие ребята!

Я родился в рабочем посёлке с удивительным названием – Чистоозёрное. Несколько лет жил там и окончил старейшую в нашей области школу в городе Куйбышеве. Раньше этот город назывался Каинск. Тоже очень старинный, тоже со славной историей. Но ни в Чистоозёрном, ни в Каинске, ни в студенческие годы в Новосибирске я, наверное, как многие мои сверстники, не знал, что недалеко от нас есть замечательное место, имя которому Сузун.

Вот так, до обидного несправедливо складывается, что мы в молодые годы больше знаем про Париж, про мушкетёров, про Америку и покорителей прерий, чем про свою родную землю – огромную, богатую, сказочную Сибирь. И особенно про те места, которые совсем рядом – рукой подать. А они несказанно хороши, интересна и богата приключениями их история. Живут в этих местах люди добрые, что обустроили на земле места, называемые нами малой родиной. Но малая – слово нехорошее. Родное место

рождения, счастливых годов детства, отрочества, юности – это и есть наша Родина.

Чем старше мы становимся, тем яснее осознаём эту простую истину.

Словом, решил я написать сказки про родную Новосибирскую область, про города и веси, «что нашими дедами пройдены». Про Новосибирск я уже кое-что писал, теперь вот перед вами книжка о Сузуне, Сузунском районе. Хочу написать и о других, в первую очередь, конечно, о Чистоозёрке, о Куйбышеве-Каинске. Написать с той целью, чтобы новые поколения мальчишек и девчонок «не открывали Америку», проехав всего сотню-другую километров от дома, а с раннего детства твёрдо знали, что живут они на прекрасной земле, щедро одарённой природой, открытой для жизни русских людей подвигами первопроходцев, сохранившими славные традиции древности.

Земле, местам, где мы живём, для славы и узнаваемости нужна искренняя к ней наша любовь, труд во имя её и память о предках, об их делах, свершениях, жизни.

Счастливых, увлекательных вам путешествий по Родной Земле.

*С уважением и надеждой,
новосибирский придумщик
Владимир Шамов*

ЗАЧИН

*И медведь из запаса лапу сосёт.
Запас человека не портит.
Что летом соберёшь,
то зимой на столе найдёшь.*

Эти мудрые мысли списал с крышек баночек, изготовленных в рабочем посёлке Сузун Новосибирской области, наш внук Саша. В баночках, прижавшись друг к другу, лежали маленькие-премаленькие и очень красивые грибочки – опята. Лежали и мариновались. В полулитровые стеклянные баночки их сложила Сашина бабушка – Ирина. Она вместе с грибочками уложила всякие пряности и залила всё кипящей водой, а потом «закатала» крышки и, завернув баночки в толстый плед, уложила их в диван, стоящий в углу большой дачной залы, чтобы грибы лучше приготовились, стали вкусными-превкусными и попали в качестве угощения на гостеприимный тоже стеклянный дачный стол.

За этим списыванием народных поговорок и застал внука его дед Вова.

– Какое совпадение, – громко воскликнул он, – я ведь приехал из Сузуна.

– На поезде ездил? – спросил Саша и указал рукой на деревянную железную дорогу, которую он построил на керамическом полу дачной залы, заняв всё пространство между кухонным столом и камином, стеклянным трапезным столом со стеклянными стульями и умеющим сохранять тепло для баночек с вареньями, соленьями и маринадами большим угловым диваном, обшитым бордовой и серо-коричневой кожей.

– Нет, – ответил дед, поправив очки, сползшие на нос, – я ездил на машине на встречу со своими юными читателями на юг нашей области, в сказочные места, поросшие хвойными, смешанными лесами и берёзовыми колками...

– А кто такой Сузун? – спросил другой внук Вова, ловко орудуя мечом, сражаясь с воображаемыми врагами, а потом, сняв с плеча один из многочисленных автоматов, добавил: – Его надо защищать? Пойдём, – и потянул деда за руку, увлекая его на просторный дачный двор с высокими ёлками и стройными берёзками.

– Стоп, стоп, стоп, – запротестовал дед, – ты задал вопрос, а ответа на него услышать не хочешь. А вон Даша хочет знать, кто таков Сузун, – он указал рукой на младшую внучку Дашеньку, которая действительно, сощурив глазки, внимательно смотрела на деда.

– Придется, дед, тебе опять рассказывать сказку, – улыбнулась любимая тётушка внуков, дочка деда Вовы Алёнушка. Она, когда была маленькая, каждый вечер просила папу рассказать ей перед сном семь сказок. Именно так – семь, не больше, не меньше.

– Нет, нет, нет, – теперь запротестовала старшая внучка, которую в отличие от мальчика Саши звали Саша-девочка. – Давайте лучше играть в сказку.

– Здоровски, классная идея, – поддержал её дед. – Баба Ирина даст нам сузунскую крышку, и мы

её запустим (отправим) путешествовать по истории земли Сузуна, а вот второе волшебное колёсико мы отправим в людское сузунское прошлое.

– Тогда вам понадобятся две сузунские крышки, – сказала баба Ирина, – а у меня осталась только одна свободная, придётся открывать баночку с грибами, чтобы заполучить второе колёсико.

– Нет, – загадочно произнёс дед, – второе волшебное колёсико у меня есть. Я его сегодня сделал сам. – Он вытащил из нагрудного кармана чёрной кожаной куртки маленькую медную монету достоинством в одну копейку и, перебросив её из одной руки в другую, продолжил рассказ: – Я был в сузунском краеведческом музее – сузунском хранилище древностей. Там есть волшебный пресс, в который укладывается маленькая кругленькая медная заготовка, и потом надо очень сильно ударить по крышке пресса большой кувалдой. Снимаешь крышку пресса – и блестит новенькая маленькая монетка. Вот, посмотрите.

Ребята стали рассматривать монетку.

На одной её медно-блестящей стороне по самому краешку монеты была выбита надпись «Сузунский монетный двор», а в середине красовался старинный герб Сибири с двумя соболями и царской короной.

– Как интересно, – загалдели ребята.

– Лёгонькая какая, – сказал Саша.

– Прикольно, – добавил Вова.

– Ахо, – выразила свои чувства Дарьюшка.

– А как мы их отправим в путешествие? – спросила Саша-девочка.

– Я думаю, сделаем так, – почесал в затылке дед, – дождёмся вечера. Вечер он волшебней дня, с сумерками на землю опускаются тайны и волшебство. Разобьёмся на две группы. Я с мальчишками стану по одну сторону ёлочек, у берёзок, в каменной долине, а девочки с Алёной пройдут на другую сторону...

– А баба Ила? – спросил Саша.

– Она расположится у кострища. Оно же тоже волшебное с буквами «Г.П.Ш.В.» и цифрой 60, зажжёт спичку, и когда мы все хором произнесём волшебные слова...

– Я их знаю, – подпрыгнула Саша-девочка, – «Влады. Викты. Шамы».

– Да, правильно, – согласился дед. – Как костёр загорится, мы катнём с мальчишками монетку, а девочки запустят в путешествие сузунскую крышку. Всё это сделаем с закрытыми глазами и, не открывая их, усядемся в кресла и на скамейку у костра.

– И станем воевать, защищать Сузун, – взмахнул мечом Вова и

другой рукой нажал на курок автомата.

– Подожди, – остановила его баба Ирина. – Пусть тогда вечером дед, наконец, расскажет нам, кто таков Сузун. Он ведь ещё большой карандаш привёз с надписью «Сузун-1764», наверное, что-то записывал.

На том и порешили. Оставалось дожидаться вечера.

У КОСТРА

Языки пламени облизывали кирпичные стены кострища, съедая на них сажу ранешних костров, будто слизывая время и прошлые эмоции. Ребята, очарованные причудливыми танцами огня, то и дело оглядывались в темноту на ёлки и берёзки, где они уже, как задумали, отправили в путешествие волшебные колечки – монетку и крышку. Дед, хитро поглядывая на них, начал свой рассказ:

– Сузун – это не баранчихнул. Сузун – это Сузун. Село. Да не одно, а два – просто Сузун, Верхний Сузун да ещё и деревня – Нижний Сузун! И речки так же называются – Верхний Сузун и Нижний Сузун. А почему так речки названы? Не знаете? С древнего тюркского языка слово «Сузун» пере-

водится как лесная вода. Чувствуете, не просто вода, а лесная, прохладная, пахнущая хвоей да травой, грибами да ягодами.

Откуда, спросите, тюркские названия на нашей сибирской земле? О, их хоть пруд пруди: сплошь и рядом, не наши, не русские названия. Вот, например, Обь в переводе означает великая, а Омь – тихая. Дело в том, что раньше на наших сибирских землях русские люди не жили. Землица наша была заселена кочующими тюркскими племенами. И только после знаменитого исторического похода казачьего атамана Ермака Тимофеевича с сотоварищами люди российские устремились осваивать громадные сибирские просторы. Но это отдельная история, я про неё уже писал в своих книжках.

– Во-первых, скажу, – продолжал дед, глядя на огонь, сидя в старом деревянном кресле, – что самое древнее село – Верх-Сузун – возникло в 1656 году, а вот на месте нынешнего Сузуна поселение появилось в XVIII веке, и обязано оно своим рождением Великой императрице российской Екатерине II, которая повелела своим Указом построить в Сибири медеплавильный завод и монетный двор. В Указе том были такие слова: «... в двадцати верстах от Малышевской слободы на впадении реки Большой Пивоварки в реку Нижний Сузун, где была деревня Быково, построить завод, чтобы из руд медь добывать, да с той меди монеты делать». В те времена не хватало сибирским купцам монет, везти-то их издалека приходилось, вот и решила мудрая правительница особую сибирскую монету выпустить, чтобы от их нехватки избавиться. В 1764 году начали строить заводишко и посёлку дали имечко – Завод-Сузун. Монеты на нём чеканили особенные – сибирские. Названия у них были тоже забавные: «полушка», слышали, наверно, поговорку «за морем телушка – полушка, да рубль перевоз», – ребятишки, уютно устроившись на деревянных лавках, внимательно слушали деда. – Полушка – это монета ценой в четверть копейки, деньга – это полкопейки. Наконец, копейка, две копейки, пять и десять копеек. Тогда, в стародавние времена, всё в основном покупали за копейки, а рубли – это были уже большие деньги. Надо сказать, что сибирскую монету штамповали по величине больше российской, Сибирь-то тоже больше России доуральской, а на одной стороне, обрамлённой лавровой и пальмовой веточками, помещался вензель Екатерины II – буква «Е», с вплетённой в него римской цифрой II. На обратной стороне монет всякой цены, кроме полушки, был изображен герб Сибири. Вы его уже видели на копейке, которую я сделал сам.

В это время что-то взорвалось в костре, раз, а потом другой. Искры посыпались во все стороны. Ребята соскочили со своих мест.

– Ой, что это? – испуганно спросила Саша-девочка.

– Я же говорил, надо Сузун защищать, – бросился к своему автомату маленький Вова.

Саша-мальчик и малышка Дарьюшка только вопросительно смотрели на деда.

– Это наши путешественницы проскочили мимо крепости «невежества» – сказал, успокаивая детей, седой сказочник. – Наши копейка и крышечка пошли в поход за Знанием, а всякий такой путь лежит мимо этой треклятой крепости. Она стоит высокая, с виду неприступная, с толстенными, мхом заросшими, стенами, с зубцами наверху крепостных стен, как у щуки зубы, с фонарями, как неподвижные тупые глаза кощея, светящиеся мутным светом.

– Наверно, страшно им, – сказал Саша-мальчик.

– Мне даже здесь стало страшно, – поддержала его Саша-девочка.

– Я же говорил, надо идти с ними сражаться, – натянул на себя все автоматы Вова, а в обеих его руках были уже меч и щит.

– Ахо, – Даша прижалась к бабе Ирине.

– По-моему, наши путешественницы уже прокатились мимо этой крепости, – снова успокоил всех дед, – а нам знак был, что всё прошло благополучно.

Он посмотрел на Сашу-девочку:

– Ты же сама предложила играть в сказку, вот волшебство с нами и играет. Давайте ложиться спать, во сне мы нашим путешественникам помогать будем.

– Как? – спросила Дарьюшка.

– Я все автоматы с собой положу в постель, и пушку рядом поставлю, – заявил Вова.

– А, я, я, – сказал Саша, – железную дорогу разбирать не буду – вдруг поехать, выручать крышечку и копейку придётся.

– Я спать в отдельном домике не буду, я лучше со всеми вместе, – смущаясь, тихо пробормотала Саша-девочка. И, взяв за руку Алёнушку, уткнула нос в подол её платья.

Костёр догорел, искры остудила трава, луна и звёзды, ярко вспыхнувшие на небе, стали участниками сказочного действия. Все пошли спать, надеясь во сне помчаться на выручку к своим новым подружкам.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРЫШЕЧКИ. НАЧАЛО

Дед, хоть и волшебник, сказочник, оказался не прав. Не всё у путешественниц было так уж благополучно. После залпа из пушек отвлечения от знания, заряженных ленью, сладкими булками, пустопорожними играми, компьютерной чепухой, Крышку, так как она, в отличие от Копейки, была очень лёгкой, взрывной волной отбросило куда-то далеко-далеко, в совсем тёмный-тёмный лес. Крышечка очень испугалась, пока летела над высокими гривами, над выющимися змейками-речками, над бескрайними полями. А когда приземлилась в густой траве, закатилась под высокую шляпку гриба и еле отдышалась.

Ночной лес не дневной. В нём страшно и даже немного жутковато. Все шорохи таят в себе опасность – вдруг появится страшный зверь: свирепый волк, или хитрая лиса, или того страшнее огромный тяжёлый медведь, да хоть и заяц-то, сам напуганный кем-то, пронесётся – душа замрёт. Но Крышечка родом из сузунских мест, своя, можно сказать, к природе привыкшая, быстро оправилась от испуга и стала раздумывать, глядя на звёзды, усыпавшие всё небо, будто маячки космических станций.

«Да, – подумала Крышечка, – путешествовать в космосе, наверно, совсем страшно, пуста кругом. А тут-то я на родной земле и бояться

мне особенно нечего. Только как бы мне с задачей справиться, что волшебник и его внуки передо мной поставили? Не так-то просто рассказать о природе целого района. Привыкли люди считать себя глубокой провинцией, глухоманью сибирской, но ведь глупость это несусветная. У природы нет провинции, она вся едина – часть планеты Земля. Она, природа, везде разная: где-то горы, где-то моря, а где-то леса и степи, есть и пустыни. Люди одни места освоили лучше, а другие хуже, потому что большинству из них тёплые края подавай. А землю-то всю обживать надо, да и красота, она везде красота, только надо научиться ценить не только то, что за тридевять земель, а здесь у тебя под носом».

Рассуждала так Крышечка потому, что очень любила свой край – Сузунский район. Она называла его волшебным треугольником, где в основании лежит красавица-матушка Обь – великая, одна из самых больших рек на земле, с обеих сторон треугольника – боры, да какие красивые и знаменитые – Караканский и Сузунский, а посерединке – лесостепь: поля с островками-колками. Не скажешь про эти места, что они тёплые, но только диву даёшься, как они хороши в любое время года. Зима белоснежная, с вертикальными радугами; весна – звонкая, с ручейками, проталинами, первыми цветами и каждый раз с новой надеждой; лето – короткое, но блаженное, как сама жизнь; с приключениями, с дарами природы-кормилицы, вкусная пора, осень – разноцветная, разудалая, уж как матушка-природа перед сном-то прихорашивается... Так и живут люди: за год четыре раза переоделись, перестроились в такт с климатом. И нескучно, и разнообразно. И года летят быстрёхонько, оглянуться не дают.

Тут услышала Крышечка голоса человеческие. Насторожилась. Шаги по траве. Шуршит трава. Ветки старые под ногами, обутыми, очевидно, в сапоги тяжёлые, потрескивают. Кто бредёт по ночному лесу? Люди. Добрые или злые? На земле всякие есть. Двое. Мужчины. Пожилые. Тени от них лунные, короткие, прямо по грибку, под которым Крышечка притаилась, пробежали. Остановились путники.

– Луна-то какая яркая нынче, а звёзды – ласковые, манящие. Похоже, мы на опушку вышли, лес заметно поредел, – сказал невысокий, кряжистый человек, на гриб-боровик похожий. – Угораздило же нас заблудиться.

– Ты, Митрич, не хитри, специально, наверное, гостя городского в этот лесной рай завёл, – ответил голос чуть помоложе, побоевей, – поди, у тебя в рюкзаке-то всё для привала припасено.

– Припасено, припасено, – усмехнулся первый. – Выбрался за десяток лет первый раз в родные края – дак вкушай его, края, прелести досыта.

Он снял себя рюкзачок, отцепил привязанную снизу палатку и ловко расстелил её.

– Давай-ка разведём небольшой костерок, водички вскипятим да чайку на листьях смородины попьём.

Сказано – сделано. Затрещали берёзовые ветки в костре, запрыгали невысокие язычки пламени, забулькала вода в котелке.

– Красива Земля наша, хороша, – проговорил гость. – Леса богатые, земля плодородная. А ведь трудно поверить, что в древние времена были здесь горы, как их называют геологи – Колывань-Томская складчатая горная зона. Теперь вот только гривы да лога, да кое-где вылезут на поверхность твёрдые породы.

Крышечка поняла, что рядом с ней присели хорошие люди, знающие. Нащупала она опавшую веточку и приготовилась на своей внутренней гладкой стороне делать пометки.

– Да уж, Митрич, – отхлебывая из кружки чай, крикнул от удовольствия гость, – подумать только, что в этих местах лились раскалённые лавы, росли, как на дрожжах, горы. И ведь как сильно время – где они теперь, те горы-то?

– Миниатюрные Салаир или Алтай можно посмотреть у села Лушники, поменьше около Маюрово, Рождественки – ещё кое-где.

– Это же возле Урюпино добывали породу, в которой была медь, и возили в завод медеплавильный, – вспомнил гость.

– И сейчас у нас многое может в дело пойти: глины – белые, голубые, зеленоватые, серые, даже фиолетовые. У Бобровки известнячок имеется, в Шайдурово – тоже. А песочек для кирпича – возле Лесниковского посёлка.

– Богата наша страна, да людей в ней живёт мало. В других странах каждый кусочек земли обжит, каждое, хоть и маленькое, богатство – всё впрок.

– Да, наследили наши древние горки, – Митрич подвинулся ближе к костру, подбросил пару старых веток в огонь. – Вон как в 1964 году долбануло землетрясение в Камне*, до нас дошло. Давай собираться, светает. К утру не вернёмся, беспокоиться начнут. Кстати, если спать не хочешь, можем ещё и рыбки половить.

Тут испугаться пришлось людям, да так, что они поначалу и дар речи потеряли, побледнели, волосы дыбом встали. Это сузунская удалая Крышечка выкатилась прямо к костру и звонко, на весь лес, человеческим голосом обратилась к старым друзьям:

– Я волшебная сузунская Крышечка, удалая, молодая, без меня ни помидорчики посолить, ни огурчики замариновать, ни другие

*К а м е н ь – город Камень-на-Оби.

вкусняшки-самоделки приготовить, имею волшебное задание, – тараторила Крышечка, – в котором тайное должно становиться явным, незнаемое – знаемым, то есть рассказать о природе сузунской. Кое-что из вашего разговора я узнала, но хочу ещё разузнать про наши речки. Вы же на рыбалку? Возьмите меня с собой.

Первым пришёл в себя Митрич, взглянул на товарища и слегка охрипшим голосом пробормотал:

– Столько лет на земле живу, а такого чуда ещё не видывал. Мне не почудилось? – как бы у леса спросил он.

– Не почудилось, не почудилось, – опять звонко перебила его Крышечка. – Возьмите, я лёгонькая.

Друзья хотели рассмеяться, но у них получилось что-то вроде кривой улыбки – от неожиданности свершившегося чуда ещё не отошли.

– Ну, что же, звонкоголосая, полезай в карман, – наконец вышел из оцепенения гость. Наклонился, взял в руки Крышечку, прочёл на её главной стороне сузунские надписи. Пробормотал:

– И правда, землячка, – и положил Крышечку в левый внутренний карман пиджака, что прямо над сердцем.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОПЕЕЧКИ. ТОЖЕ НАЧАЛО

Копеечка преодолела заставу Невежества без особых потерь не только потому, что она тяжелее Крышечки, но и потому, что у неё против орудий этой крепости есть непробиваемая броня – Знание. Копеечка (вернее сказать, её старшие сестрицы, а память-то у них общая: от одной копеечки к другой передаётся) много повидала на своём веку, ведь род их почти ровесник Сузуну. Наша копеечка общим знанием обладала, а сёстры-то её в каких только руках, карманах и

кошельках не побывали, сколько разговоров слышали и умных и не очень, а в скольких сделках оборачивались, а за сколько товаров ими рассчитывались. Про каждый из них Копеечка знает многое, ведь продавец нахваливает, а покупатель сомневается. Ну, вот, к примеру, возьмите самый простой предмет – топор. Покупатель и так, и сяк в руках его вертит – тяжёл ли, лёгок ли, из какого дерева топорище сделано, какой кузнец ковал, есть ли его клеймо. А если кто телку или корову покупает или из-за лошади кто-то торгуется, – такое услышишь, такого знания наберёшься. В общем, житейского опыта Копеечке было не занимать, вот и стала она прикидывать, как ей это своё знание передать: рассказать о людях сузунских – о великих и простых, о знаменитых и не очень, о трудолюбивых и ленивых. Хотя на последних чего время тратить, они во все века одинаковые: лежаки да седушки под ними только меняются – печка на диван, лавка на кресло.

Первым делом решила Копеечка – начнёт она со времени, что с её рождением связано, потому что помнит она общей копеечной памятью те времена, да и народец тот, особенный, ей так в память врезался, что не вытравить веками, не выветрить временем – ни лихим, ни спокойным. Но задумалась Копеечка, знать-то она знает, но ведь люд-то этот, что монетный двор, Завод-Сузун, строил, откуда-то да взялся.

«Э-эх, – погладила себя по верхней части Копеечка, будто в затылке почесала, – не хватает знаний. А спрошу-ка я у полей, у лесов, у бора, – они-то века на нашей земле живут, помнят, поди».

Как это сделать: с лесами да полями поговорить? Трудная задача. Не верите – попробуйте сами. Но Копеечка сибирская, волшебством в путешествие запущенная, придумала, как чудосие свершить. Приложила она ухо к земле-матушке и стала слушать, и как только услышала она пульс родной земельки, то тихонечко, чтобы только земляница слышала, попросила:

– Земля-матушка, родненькая, помоги мне поговорить с лесами да полями, хочу я узнать, каким ветром занесло сюда семя человеческое, как люди русские в наших местах объявились, – проговорила и опять вся в слух ушла.

Шевельнулась земля под Копеечкой, и голос, будто из самых недр, глухой, басовитый, произнёс таковы слова:

– Прикатись-ка завтра к полуночи к чёрной берёзе. Дорогу укажет тебе ветка полыни горькой, что рядом с тобой растёт, – и опять дрогнула земля и голос затих.

Обернулась копеечка – видит, действительно рядом полынь растёт и словно ей улыбается:

– Сорви самую мою верхушечку, – ласковым голосом произнесла полынь-трава. – Попробуй на вкус, правда, горькая?

Подкатилась Копеечка к полыни, пригнула её и сорвала верхушечку. Лизнула – и правда, горькая.

Долго ли, коротко ли искала чёрную берёзу путешественница, но в аккурат к полуночи оказалась на месте. Перевела дух Копеечка, лизнула полынь-траву в знак благодарности, да и уснула тут же.

СУЗУНСКИЕ ВОЛШЕБНИКИ

Проснулась Копеечка скоро. Огляделась. Невдалеке костерок потрескивал. Вокруг него какие-то существа суетились. Догадалась Копеечка, что это Земля-матушка выполнила своё обещание, и подкатилась к огоньку. Увидели её собравшиеся:

– Здравствуй, землячка. Как спалось на свежем воздухе? – обратился к ней Владыка боров и лесов, голубоглазый великан, в хвойную шубу, перепоясанную берестяным кушаком, одетый, на посох из ветлы опирающийся. – Вот знакомься, царица полей здешних – ясноглазая Полюшка Сузунская.

Привсталла красавица неопикуемая, со златопшеничной косой, в нежно-зелёном платьице, из молодых трав сотканном.

– А вот принцесса Марьюшка-Ягодница – властительница ягодных урожаев.

Улыбнулась Копеечке ещё одна прелестница – синеокая, в сарафане ягодном. Волосы у неё во множество косичек заплетены, и на каждой косичке заколка с какой-нибудь ягодкой.

– А вот царь Грибной – Многошляпник Сузунский.

Приподнялся чудной гриб: лицо вроде человеческое, туловище как столбик. На нём кафтан с вертикальными полосками – белыми, рыжими, коричневыми. А на голове, словно бабочки, грибные малюсенькие шляпки рассеялись. Может, десятка два, а то и больше.

– Угощай, Марьюшка, душистым ягодным чаем нашу гостью, – тихим таинственным голосом предложил Многошляпник Сузунский, – а я её своим любимым блюдом попотчую, картошечкой с

грибами. А ты ешь, пей да слушай, монетная твоя душа, – улыбнулся он, подавая Копеечке малюсенькую сковородочку.

– Вот о чём поведать мы решили тебе, гостыюшка, – заговорил Владыка боров и лесов, – что стало с первыми жителями наших мест, мы не знаем. Природные катаклизмы – движение ледников, потопа, пожары – сокрыли от нас древние знания про людей первобытных, что, может, с Алтая к нам приходили али с других мест, неведомо нам. А вот уж как русский народец на наших землях селиться стал – знаем. То были вольные люди с Руси, что вослед Ермаку Тимофеевичу, славному атаману, да первопроходцам, что Русь

продвигали встреч солнцу, шли и шли. Гуляющие люди звали их. Так повелось потому, что души их не хотели мириться с неволей, с порядками чересчур строгими, с душегубством. Вот и отправлялись они гулять по Руси, искать земли, на которых им никто не указ. Были среди них, конечно, и разбойники, и лихие люди, но таких было мало, да и суровая Сибирь быстро к труду приучала. На нашей суровой земле одним лихоимством больно-то не прокормишься. Хотя все люди разные. Но по большому счёту делятся они на добрых и злых, на божьих тварей и бесовских, дьявольских. Так вот я заявляю: шли в Сибирь люди сильные, смелые, трудолюбивые, мастеровые, вольным духом одарённые, с земелькой, с лесом, с полем дружные.

В разговор вступила Полюшка ясноглазая:

– Для них пахать и сеять – дело привычное. Муку смолоть, хлеб испечь – всё могли. Лён вырастить, вымочить, отбить, соткать, рубахи пошить. Скот завести – коров, быков, коз, потом поросят. А сколько птицы человек приноловил к себе: курей, уток, гусей, даже индюков.

– Все мужики охотниками были, – заторопился своё сказать Владыка боров и лесов. – Заяц, лиса, белка, лось, косуля, дикие кабаны, тетерев, глухарь, даже медведь – всё добычей этих людей становилось.

– А грибы? Как без них, – зашлепал губами Многошляпник, привыкший в лесу таиться.

– И без ягод людям никуда не деться, без наших целебных листьев, – поддержала его Марьюшка-Ягодница.

– А без трав... – опять вмешалась в спор Полюшка.

– Подождите, подождите, не всё же сразу появилось? – удивилась Копеечка.

– Да, не всё, – точно себя остановил Владыка и важно присел на пенёк.

Замолчали, только лёгкий ветерок листвою поигрывал, костерок потрескивал, звёзды на чудную компанию дивились.

– Деревни первые, – кинула пшеничную косу за спину принцесса Полюшка ясноглазая, – появляться стали давненько на нашей земле. Сейчас на дворе век двадцать первый, а многие деревни наши возникли в веке семнадцатом и восемнадцатом. Да, да. За триста лет им уже стукнуло.

– А перечислите их, пожалуйста, – попросила Копеечка, приготовившись запоминать.

– Пожалуйста, – отозвалась Марьюшка-Ягодница: – Тараданова (1624), Малышевская слобода, Зорина, Мало-Малышевская (1625).

– Мало-Малышевская – это значит меньше Малышевской слободы? – поинтересовалась Копеечка.

– Названия деревень – это особая ипостась. В другой раз об этом

поговорим, – ответил Владыка и стал продолжать называть имена деревень: – Каргополова, Поротиково, Верх-Сузун, Мереть (1625), Болтово, Ершово (1676), Битки (1692), Кротово (1725).

– Вот из этих-то деревень крестьяне и пришли работать на медеплавильный завод и монетный двор? – уточнила Копеечка.

– Ох, и любопытная, – пискнул Грибной царь, пошевеливая своей грибношляпной головой. – В то время, когда на ноги становилась горнорудная промышленность, появились новые деревни: Бедрино (1708), Шарчино (1727), Урюпино, Шипуново (1771), Плосское (1787), Бобровка (1797).

– А ещё: Рождественка, Шайдурово, Заковряжино, Артамоново, Лушники, – добавила Полюшка ясноглазая.

– Слушайте, я многих людей с такими фамилиями знаю, – задумчиво произнесла Копеечка. – Интересно, это в честь них деревни названы или людям фамилии дали потому, что они в этих деревнях родились? – И она принялась загибать пальчики на своей волшебной, не весть откуда взявшейся медной руке: – Каргополовых знаю, Ершовых знаю, Заковряжиных, Поротниковых, Шайдурова тоже одного встречала, а уж Кротовых, Зориных, Малышевых – пруд пруди.

– Между прочим, предки тех, кто с самого начала жили в этих деревнях, во многих случаях, не все, конечно, далеко не разъехались. Кто в Новосибирске живёт, кто в других районах нашей области, – опять прошепелявил Грибной царь.

– Кто-то, наверное, и в Москве, и в Питере прижился, а кто и в других странах, – не согласилась с ним Полюшка.

– Интересно всё это. Ну, прямо, целая история. И какая важная для каждого человека, – снова задумчиво произнесла Копеечка.

– Интересного с нашими деревнями много, – отозвался на её рас-

суждения Владыка, сбросив с себя хвойную шубу и оставшись в русской косоворотке, расцвеченной вышитыми листочками разных деревьев. – У нас деревни от реки сбегали.

– Как это? – изумилась Копеечка.

– А вот так, подмывает могучая Обь бережок, а на ней деревня. Вот мужики за топоры и берутся: разберут свои дома, да на другом месте заново собирают. От реки, однако, далеко не уезжали, ведь река – она тоже кормилица. Верхний Сузун так три раза переезжал, а вот деревню Городище вообще смыло.

– Ещё деревни свои фамилии меняли, будто замуж выходили, – засмеялась Полюшка. – Кусково стало Болтово, Сатыми – Ершово, Другово – Кротово, Чируха – Поротниково, Самодурка – Мало-Крутиха.

– Ну, последняя понятно, – прыснула Копеечка. – Кому в Самодурке жить захочется?

– Я вот ещё что сказать хочу, – будто куда-то опаздывая, включилась в разговор Ягодница: – Нам-то с Грибным царем от людей, было время, прятаться пришлось – это когда в столыпинские времена народ в Сибирь ринулся. Деревни наши разрослись, ну прямо из колков леса получились. Да и новые отстроились: Холодное, Шигаево, Маюрово, Ткачиха.

Светать начало. Заторопились волшебники сузунские, им ведь людям на глаза попадаться нельзя – увидят, в обморок попадают, а то и того хуже – заикаться начнут или, совсем слабонервные, без фантазии, – рассудка лишиться могут. Так не раз бывало. Волшебство ведь всегда неожиданность, чудо, а значит изумление и испуг.

Спасибо только и успела сказать Копеечка своим новым друзьям да обнять каждого из них. Растворились словно туман. Остались возле чёрной берёзы только три корзинки: с грибами, с ягодами и с шишками.

– Как же я их понесу? – подумала Копеечка и рассмеялась: – Я же на время путешествия волшебная, а волшебники – они всё могут.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРЫШЕЧКИ. НА РЫБАЛКЕ

Забежали Митрич с гостем домой на минутку – снасти для рыбалки взять. Дом, где жил Митрич, старый, ещё его деды-прадеды в нём обитали. Зато и любит хозяин свой дом – сколько поколений родни по его деревянным половым плахам хаживало, в огороде землю обрабатывало, урожаи собирало. Души их, говорят, родовое гнездо от бед оберегают. Крыша, что над домом, и над двором продолжается. Так с тех пор пошло, когда съезжался торговый народ на Сузунские ярмарки со всей округи, даже из средней Азии караваны приходили. Зимние были ярмарки – летом-то в эти места не добраться, если дожди зарядят, да и на реках опять же мостов не было. Многие купцы у людей на постой останавливались – во дворах под этими крышами значит. Такой строительный фасон и по другим близлежащим местам распространился.

В сенцах, в отгороженном углу, у Митрича, заядлого рыбака, хранились рыбацкие принадлежности. Чего тут только не было: и удочки разные, и спиннинги, и коробочки: с блёснами, поплавками, лесками, грузилами, крючками. Но хозяин оставил всё это без внимания, а вытащил из-за шкафа две деревянные удочки, с намотанной леской между двумя крючками, прикреплёнными к удилищу старой чёрной изоляцией, с болтающимися посередине самодельными поплавками, сделанными из пробки от шампанского и со вставленными в них гусиными перьями.

– Помнишь, Миша, такие рыбацкие агрегаты, – громко и весело обратился он к гостю. – При нынешних снастях и дурак рыбку добудет, а давай-ка мы детство вспомним, ведь притаскивали по полбидона. На уху хватало. Кстати, и бидончики сохранились. Захватим.

У гостя губы растянулись в улыбке, будто его в люльку счастья поместили. Глаза засветились, сердце в блаженство окунулось.

Заспешили рыбаки на реку и про волшебную Крышечку совсем забыли. А она возьми да о себе и напони: как забила в кармане у гостя, что тот опять напугался, подумал, сердце из груди выскакивает. Остановился. Вспомнил всё разом.

– Ты что, волшебница, суетишься? – обратился он к Крышечке, оттопырив рукой лацкан пиджака. Друг его, Митрич, с недоумением посмотрел на товарища – не с катушек ли скатился, но потом тоже припомнил лесное приключение.

Крышечка отозвалась из нагрудного кармана:

– Мне телеграмму надо отбить в Новосибирск.

– Какая телеграмма, почта ещё закрыта, – возмутился Митрич.

– А почтальонша рядом с почтой живёт, – не сдавалась Крышечка.

– Правда, а ты-то откуда знаешь? – удивился сузунский старожил.

– Так раньше всегда так было, да и волшебница я. Забыли, что ли? – звонко лепетала из кармана Крышечка.

Приятели переглянулись.

– Придётся ни свет ни заря Никифоровну будить, – озадачился Митрич.

Но делать нечего. Крышечка ведь дама, гостья и волшебница, надо угождать.

Разбудили почтальоншу, подняли с постели. На почту пришли. Стала Крышечка из кармана тихонечко Михаилу текст диктовать, а тот его громко повторяет, чтобы Митрич его в бланк записал.

Вот что получилось:

Новосибирск. Городскому придумщику. Срочно-пресрочно. Попросите Обинушку собрать на Митричевой рыбалке хозяек сузунских речек. Иначе задание не выполню. Ваша Сузунская Крышечка-путешественница.

И всё бы ничего, только когда подал Митрич не до конца проснувшейся почтальонше бланк, так та, его прочитав, разъярилась не на шутку:

– Что за галиматья? Из-за этого вы меня чуть свет подняли? Не буду отправлять! Выпили, видно, много друзья-товарищи.

Тут Крышечка из кармана тоже как закричит:

– Отправишь, отправишь. Отправишь как миленькая, а то заколдую.

Никифоровна так и села. Благо, на табуретку, что за почтовой стойкой стояла. Глаза округлились. Побледнела вся. Потом, глядя на карман Михаила, тихо-тихо прошептала:

– Отправлю. Идите. Рыбачьте. Рассчитаетесь на обратном пути. Ну и утречко! Сумасшедшее!

До реки дошли молча. Молча забросили удочки. Уселись. Михаил достал сигаретку, закурил, вынул из кармана Крышечку и положил рядом с собой на траву. Она заблестела в лучах восходящего солнца.

– Что же ты творишь, человек чуть в обморок не упал? – покопился на неё Михаил.

– Так и до инфаркта не далеко, – поддержал его Митрич, – что человек должен подумать, когда карман разговаривает.

– Странные вы люди, – ответила Крышечка, – особенно вы, Михаил, писатель ведь, человек творческий, с сузунской земли родом. Тут же народ должен быть, к чудесам привыкший. У вас даже радуга зимой бывает и ничего, в обморок не падаете.

Рыбаки переглянулись. Но больше ничего говорить не стали – пошла поклёвка.

Сказочное дело – рыбалка. Природа просыпается, гладь речная блестит. Азарт. Ожидание. Терпение. Неудачу сменяет удача. Шуточки рыбацкие, присказки.

Долго ли, коротко, но наполняться стали блестящие серебряные бидончики. Рыбёшка в них плескалась, согревая души рыбаков. Вспенилась неожиданно Сузунка, волна по ней прокатилась да вдруг стеной перед рыбаками встала и застила вид на реку. В ту стенку и лески с поплавками попались, а на каждом крючке по большущей рыбке – с испугу, видно, за крючки зацепились.

РАЗГОВОР С РЕЧНЫМИ ЦАРИЦАМИ

Когда водяная стена опустилась, то на изумрудной речной глади, в лучах являющегося миру солнца, перед изумлёнными рыбаками оказались восемь красавиц. Величественная Обинушка – царица обская и хозяйки речек, что впадают с правой стороны в Обь на территории Сузунского района.

– Здравствуйте, люди добрые, – обратилась к рыбакам Обинушка, – где тут у вас новоявленная волшебница?

– Здесь я, здесь! – закричала Крышечка и приподнялась на свой узенький бочок.

– Ой, какая басенькая*, прямо лапушка, – шагнула на берег и взяла в руки Крышечку Сузунка – царица Нижнего Сузуна.

*Б а с е н ь к а я, б а с н а я – красивая.

Вслед за ней вышли на берег все речные хозяйки и сразу присели, образовав кружок. Только Обинушка осталась стоять, рассматривая место, в котором они оказались.

– Давненько я тут не была. Здесь ведь раньше плотина стояла, и мельница рядом была? – Она жестом остановила Сузунку, пожелавшую ответить на вопрос своей владычицы. – Время у нас сейчас мало, потом поженуешь в мой дворец, строго спрошу с тебя, почему не подвигнешь людей на восстановление плотины. Сейчас же, пока люди сюда ещё не пришли, милые хозяйюшки вручат вам свои превосходные, немного, наверно, хвастливые, коротенькие, правда, сочинения.

Обинушка подошла к Сузунке и взяла из её рук Крышечку:

– Действительно, красивая. И, судя по надписям, умная и памятливая. Но как же ты наши послания принимать будешь, у тебя же рук нет, – и она взмахнула белою царственной рукой, украшенной перстнями и кольцами, и появились у Крышечки маленькие ручки и ножки, заблестели глазки, открылся ротик в изумлении. А на головке рыженькая чёлка.

– Это я ей такие волосинки сделала в честь тебя, – обернулась она к писателю Михаилу, гостю Митрича, – ведь был ты когда-то как солнышко, а теперь побелел, видно, долгие у нас зимы да снежные. – Обняла она Михаила. – Помнишь ли своё обещание написать роман о Сузуне, о родной Мерети? Царица Меретская, проследи, на твоих берегах пока всего один писатель вырос.

Обинушка обняла и растрогавшегося Митрича, похвалила за то, что на Земле Сузунской так много краеведов пишущих, земельку свою любящих, пытливо её изучающих и воспевающих. Поднялись царицы малых речек: Нижнего и Верхнего Сузуна, Каменки, Чирухи, Мерети, Слезянки, Сурянки и передали свои послания, скрученные в свитки и перевязанные ножками лилий с разноцветными цветами, поклонились и на водную ширь, ставшую прозрачной, взошли. Восемь фонтанов вдруг из воды перед каждой речной царицей взметнулись. Когда же они исчезли, на речной ряби только тихо покачивались самодельные поплавки с гусиными перьями.

– Не поблазнилось* ли? – сдавленным голосом прошептал Митрич.

Михаил только крикнул в ответ. Рыбаки вытянули удочки с добычей – небольшой шурагайкой, то есть небольшой щучкой.

Крышечка тем временем уселась на Мишину новенькую фуфайчонку, подаренную ему другом на юбилей, которую он захватил с собой в Сузун в аккурат в расчёте на рыбалку, и как ни в чём не бывало принялась разворачивать свитки и читать.

Клевать перестало. Михаил обернулся к Крышечке. Она, скрестив маленькие ножки, по-татарски подогнув их под себя, разворачивала последний свиток.

– Ну, что ты там вычитала? – поинтересовался писатель.

– А вот что теперь знаем, – Крышечка, пробежав по последнему тексту востренькими, живыми карими глазками, бодро и, как всегда, громко и звонко, начала рассказ: – Все речки потому являются правыми притоками Оби, что берут начало с Приобского

*Блазниться – чудиться.

плато. Самые длинные речки – Нижний и Верхний Сузун, 115 километров и 105, а самые короткие – Меретка, Чируха и Сурянка, где-то по 30 километров. Речки во многих местах трудно доступны. Есть у них и каньоны, даже сплавляться туристам можно. Своих притоков у речек разное количество – у Нижнего Сузуна – слева 10, а справа – 5, а вот у Меретки – всего два. Зато она загадочная. Течёт, течёт – потом теряется в болоте, которое страшно называется – Меретская Затяга, значит, затянуть может. Ещё по её берегам есть урочища: Согра – это где обнаружено городище бронзового века, представляете, второй и первый век до нашей эры. Кротовская культура – слышали что-нибудь? А ещё урочища – Меретские луга и Якорский луг. Деревня, самая большая на сузунской земле, тезка речки – Мереть, когда-то в 600 дворов была, а семьи-то большие были, если в среднем по 5 человек, то 3 тысячи жителей получается. Там и пристань стояла. А в округе много болот и так мало населения, что там даже бомбодром раньше устраивали. А рыбы-то в Оби и малых речках какой только нет: стерлядь, щука, язь, окунь, плотва, елец, голец, пескарь, ёрш, гольян... А вы что наловили? – покосилась Крышечка на серебряные бидончики.

– Быр, быр, быр, – захлопала вода в Сузуне. – Быр, быр, быр, – высунулся из воды озёрный брат речек.

– Кажется, я опоздал. Попадёт мне от Царицы обской, – вышел на берег Озерный царь. Отряхнулся. Высокий. Кряжистый. С камышовой причёской. Глаза слегка на выкате – карасиные. Одежда из чешуи: куртка жёлтая, брюки тёмно-коричневые. На ногах не то башмаки, не то лапти красного цвета, как утиные или гусиные лапки. Поздоровался с рыбаками. Перед Крышечкой свиток положил: – Озёр у нас с полсотни наберётся.

Главная рыба – карась, – улыбнулся он чуть выступающими губами. – А дичи на них – не мерено. Тыщами. Одних уток: кряква, чирок-трескунок, лысуха, серая утка, шилохвость... Ой, пойду я, вертаюсь к себе. Люди идут.

Озёрный брат с берега прыгнул в речку и был таков.

– Ну и навывкомаривала ты нам приключений, – Митрич хлопнул себя по голяшкам. – Жил, жил, и на тебе, в сказке оказался. Может, ещё в небеса отправимся, искать причину зимней радуги.

– Ладно, раздухарился, – остановил его дружок, – пойдём домой, поспим, да и обсудим всё разом.

Митрич потянулся рукой к крышечке:

– Ты с нами?

– Нет, мне спать некогда. Край у вас больно любопытный. Да и не маленький. Я тут поинтересовалась, на нём такие государства разместиться могут, как Люксембург, Монако, с общим числом там живущих – почти 850 тысяч человек. Так что идите. Уху сварите или там вам уже шти* сгоношили**.

Разошлись. Рыбаки к Митричу отправились, а Крышечка вдоль Сузунки покатилась, прихватив послания. Куда? Неведомо пока.

*Шти – щи.

**Сгоношили – приготовили.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОПЕЕЧКИ. У СОБСТВЕННОГО ПАМЯТНИКА

Копеечка, разобравшись, как и когда русские люди в сузунской землице оказались, решила в районный центр направиться, то есть в Сузун. Катилась по лесным дорожкам, через овраги перебиралась, сквозь лесные завалы да высокие травы, и так намаялась, что, оказавшись в посёлке в полночь (благо звёзды да полная луна путь освещали, кружок кружку всегда помогает), свалилась, обессиленная, прямо у главной дороги, на какой-то площадке и уснула мертвецким сном. Речка Сузунка ей ласковые ночные песенки нашёптывала.

Проснулась она с первыми лучами летнего, ясного солнышка, что красным кругом выкатилось на востоке и пробудило всё живое. Где-то далеко пели петухи, возвещая зарю, всю птицу чирикало, ища себе добычу, бабочки порхали на красивых крылышках, у реки стрекотали кузнечики.

«Благодать, – подумала отдохнувшая путешественница. И вдруг опешила: прямо перед ней стоял памятник – памятник копейке.

– Мама родная! Надо же! Помнят, значит, люди свою историю, если такой памятник особый соорудили! – воскликнула она и оглянулась, нет ли рядом людей. Но площадь была пуста – мало народу теперь на селе с рассветом просыпается, разве те, что ещё скотину держат, встают, чтобы её управить, да рыбаки, всегда готовые тёплую постельку на утреннюю прохладу променять.

Подкатилась к памятнику Копеечка. Опять подивилась.

Молодцы. Как все хорошо устроили – и забралась на самую вершину невысокого памятника. Получилось, сидит Копейка на копейке. Огляделась.

«Сузунского моря, конечно, не получилось, плотина небольшая, но для того, чтобы колесо водяное крутить, силы у речки хватало, – Копеечка задумалась, – как же тут строительство шло? И сейчас то это дело непростое. Деньги нужны большие. Техника. Материалы. Всё привезти надо. А тогда?! Глухомань. Из транспорта только лошади да сплав по реке. Отважные, смелые и сильные, видно, были строители. Да и потребность была нешуточная. России позарез надо было торговлю в Сибири развивать, а денежки из столицы, как мы уже знаем, везти далеко, дорого и небезопасно. Вот и вспомнила Екатерина Великая, императрица российская, о том, что ещё в 1723 году уральский горнозаводчик Акинфий Демидов снарядил в сибирскую алтайскую землю экспедицию искать полезные руды с

одобрения ещё самого Петра I. И нашёл. Построили там сначала у Колыванского озера первый рудник, а потом и медеплавильный Колывано-Вознесенский завод. Пользуя месторождения богатейших серебряных руд, Акинфий пожадничал, начал не только медь из них выплавлять, но и серебро и золото, что запрещено было царским Указом. Осерчала государыня, тогда ещё Елизавета Петровна, за это на заводчика, да и отобрала у него заводы. Вот и задалась Екатерина II вопросом, почему бы на своих-то заводах прямо в Сибири монету не делать? Подумала и приняла решение, Указ царский издала о строительстве Сузунского завода и монетного двора при нём. Было это 7 ноября 1763 года, теперь уже 250 лет с тех пор миновало», – припомнила Копеечка рассказ Городского Придумщика, услышанный ею у костра, перед тем как отправиться в путешествие, да сведения, собранные её сестрицами-копеечками в стародавние времена. Много знали копеечки, потому что много их было, аж почти на 4 миллиона рублей наделали копеечек. Ещё бы Великая императрица строго-настрого наказала из каждого пуда меди чеканить монеты на 25 рублей, тогда как во всей империи делали из пуда всего на 16 рублей. Пятнадцать лет выпускали особливую сибирскую монету, да ещё 62 года – общероссийскую, тоже превеликое количество – почти на 20 миллионов рублей. Часто меняла монета своё лицо – 308 раз. Экая модница, и под новых царей подстраивалась, и инициалами начальников монетных дворов украшалась. Эх, если бы не пожар в 1847 году, глядишь, и сейчас бы эта история продолжалась. А может, и нет. Люди-то до сих пор всех видов монет не собрали. В столице Урала, Екатеринбурге, в музее – 298 видов монет хранится, а на родине монетки в Сузуне – всего 43, хотя кладов с сузунской монеткой тоже было отыскано не мало.

Вспоминала-вспоминала Копеечка историю своего рода, да и не заметила, как солнышко высоко поднялось. Люди проснулись, на работу пошли.

Спешила к своим обязанностям и директор уникального, на всю Сибирь известного краеведческого сузунского музея Ольга Ивановна Чернакова, красивая молодая женщина. И вдруг, проходя мимо памятника, услышала звонкий мальчишеский голос:

– Батюшки, Копеечка на копеечку забралась!

Героиня наша испугалась, свалилась с памятника и вскрикнула:

– Ой!

– Она человеческим голосом кричит, – возвестил округу мальчуган.

Ольга Ивановна, услышав это, вернулась.

– Ты что это придумал? Как копеечка может человеческим голосом разговаривать? – подошла она к мальчику и узнала Ваню, востроглазого хлопца, внука сузунского старожила и председателя местного районного Совета депутатов Валерия Кузьмича Теряева.

Ваня потянулся рукой к Копеечке. Но не тут-то было – волшебница ловко увернулась.

– Не трогай меня. Дел много. Некогда мне с тобой знакомиться, – важно и громко заявила Копеечка.

Пришёл черёд изумляться хранительнице древностей. Она с минуту молча смотрела на Копеечку, потом перевела взгляд на Ваню и, еле шевеля губами, произнесла:

– И правда, разговаривает.

Ваня решительно опустился на колени, накрыл Копеечку руками, затем, зажав её в одном кулачке, встал.

– Ты кто такая? – спросил он, слегка разжимая ладонь, чтобы хоть чуть-чуть видеть монетку.

– Волшебная помощница волшебников, – ничуть не смутившись, опять важничая, представилась Копеечка. – Моя задача собрать сведения о знаменитых сузунцах или таковых людях, в сей земле пребывавших.

– Это по Вашей части, – сказал Ваня, обращаясь к Ольге Ивановне, и разжал ладошку.

Копеечке только этого и надо было. Она перевернулась и соскользнула с ладошки, опять ойкнула, ударившись о землю, и покатилась так проворно, что опешившие люди её не догнали.

– Чудеса, да и только, – сказала запыхавшаяся Ольга Ивановна.

А Ваня, сняв фуражку и обтерев пот, спросил:

– Как Вы думаете, куда она покатилась? Кажется, я догадываюсь. Вы в музей? Можно, я с Вами?

– Пойдём, – согласилась директор. Взяла Ваню за руку, и они зашагали вверх по течению Сузунки.

В МУЗЕЕ

Утро. Светлая пора. Радостная. Обнадёживающая. Особенно, когда солнышко пригревает, обещая жаркий день. Светло в чистых душах человеческих. Ваньша, так на сузунский манер иногда называли Ваню, то и дело обгонял Ольгу Ивановну, ему не терпелось быстрее добраться до знакомого деревянного крыльца музея. Что-то подсказывало ему – непростое это утро, будет продолжение чудесной истории, начавшейся у памятника копейке.

И крыльцо не подвело. Как, спросите вы, может крылечко не подвести? Мальчишки и девчонки, у которых есть крыльцо в своём или дедовом доме, или на даче, знают, как хорошо бывает посидеть на деревянных скрипучих ступеньках – помечтать в одиночестве или поделиться тайною с закадычным дружкой, придумать что-нибудь эдакое, или просто посидеть рядом с дедом, послушать его рассказы, потолковать по-взрослому. Вот и сейчас увидели Ваня и Ольга Ивановна, как на обогретых и оттого довольных половицах каталась из стороны в сторону медная беглянка.

– Вы что, преследуете меня? – обратилась она к подошедшим, опять вводя их в ступор своим умением говорить.

Ольга Ивановна пригляделась к Копеечке и заметила, что один край у неё тоньше, а другой толще, как будто от неуверенного и чересчур сильного удара молота при её изготовлении.

– Слушай, голубушка, а не у нас ли ты сделана совсем недавно новосибирским придумщиком? – улыбнулась она, озарённая догадкой.

– У вас. В Сузуне. В музее. Ну и что? – никак не могла взять в толк Копеечка, кто такая Ольга Ивановна.

– Тогда понятно, почему ты разговариваешь по-человечески и кто перед тобой задачу, узнать о людях, прославивших землю сузунскую, поставил.

– Ничего не понимаю! – сдвинул кепку на затылок Ваня.

– Понимаю – не понимаю. Открывайте быстрее свою волшебную хату. Там и поговорим, – Копеечка засуетилась, кажется, даже немного занервничала.

Ольга Ивановна вставила ключ в замок и, сделав им два оборота, открыла красивую деревянную дверь. Копеечка прошмыгнула внутрь и уселась на домотканый коврик.

– Уф. Дома, – вырвалось у Копеечки. – Запахи разные. Дух исторический, прошлыми столетиями пахнет, в воздухе вековая му-

дрость витает. Живут рядом богатство и бедность, мирный труд и война. Прошлое зло не лезет в драку с победившим добром. Учись – не хочу...

Ваня дёрнул за руку Ольгу Ивановну:

– У неё на улице другой характер был, сейчас прямо философия какая-то, а была важная, задиристая девчонка.

Копеечка вздохнула, поднялась на бочок и совсем как человек, переваливаясь с боку на бок, докатилась до директорского большого стола, запрыгнула сначала на кресло, потом на стол и молвила:

– Проходите, садитесь, рассказывайте. Я буду слушать и запоминать своей медной памятью.

– Ну, ты даёшь! – только и воскликнул Ваня, плюхнувшись на стул рядом с большим директорским столом.

Ольга Ивановна села в своё кресло. И пошёл у них разговор. Менялись времена: целые века пролетали в минуты, успевая порадовать добром, восхитить знанием, удивить трудолюбием и терпением, увлечь мудростью, насторожить завистью, обескуражить жадностью, жестокостью, эгоизмом, возмутить подлостью. Времена не проходят бесследно – добро и через века отзывается добром, а зло прорастает развалинами, дьявольщиной в душах человеческих.

Много узнала Копеечка в доме истории. О том, как генерал-майор Андрей Иванович Порошин – начальник Колывано-Вознесенских заводов, управляющий Горно-Алтайским округом – выполнял Указ императрицы Екатерины II, как его помощник Ульрих Христиани и маркшейдер (горный мастер) Бахарев со своими подручными – пра-

порщиком Поповым и плотницких дел мастером Рябиковым – искали место для завода и выбрали: далеко, правда, от руды, но людьми уже населённое и богатое глинами для изготовления кирпича в кирпичных сараях, рядом с речкою, с водицею, что нужна была и как влага, и как сила.

Фантастика. Но за два года построили Сузунский медеплавильный завод с монетным двором. Это в те-то времена: 1764–1766 годы. На заводе были плющильное и прорезное, чеканное и гуртильное отделения, денежная кладовая, штемпельно-резная палата. Два водоналивных колеса приводили в действие плющильные молоты и чеканные станки. У горных печей работали великолепные мастера – бергалы. Промышленная революция, как в Англии, в столь отдалённых от столиц местах. И завод-то могли за один год построить, если бы не первый пожар.

Ваня, вникая в историю вместе с Копеечкой, вдруг неожиданно спросил:

– А правда, что монетный двор сгорел потому, что греховное дело делать деньги?

Рассмеялась Ольга Ивановна, а Копеечка недовольно скосилась на мальчика – обиделась.

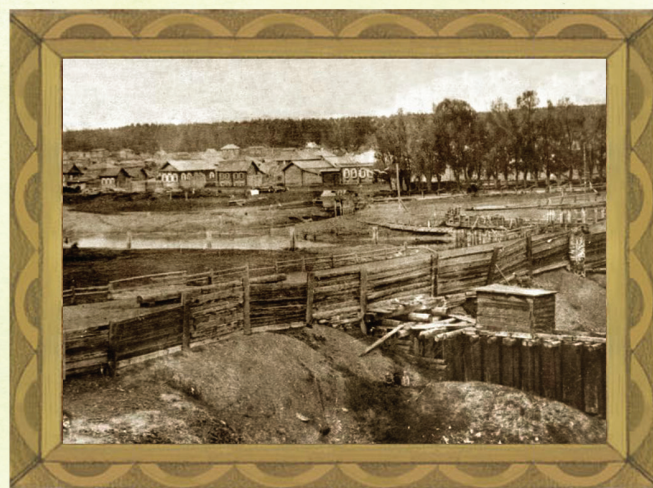
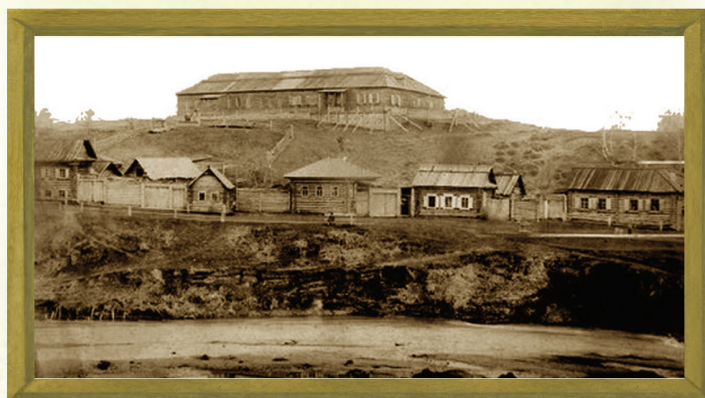
– Нет, Ваня, денежная промышленность, если можно так сказать, тоже прогресс. Просто первая промышленность, первые заводы и фабрики, где бы то ни было, в любой стране – это очень тяжёлый труд. Я бы даже сказала, жестоко тяжёлый труд, – Ольга Ивановна достала альбом с фотографиями и стала его листать, – но этот путь проходили везде. Люди, конечно, жаловались, терпели и придумывали всякие мифы. Вот и деньгоделание из-за тяжести труда стало греховным.

Копеечка и Ваня старались заглянуть в альбом. Ваня не выдержал:

– Что это у вас за фотографии?

– Здесь портреты знаменитых людей, чья жизнь была связана с Сузунским заводом, – ответила директор музея и рассказала об этих людях.

Конечно, прежде всего, об управляющих заводом, среди них было очень много талантливых людей – горные инженеры, разносторонне образованные, радители Отчества, энтузиасты, первопроходцы. Например, Василий Иванович Тистов, сын

стеклянных дел мастера, образование получил в горном корпусе в Петербурге. Чем он только ни занимался в Сибири – руководил плавильным производством, разработкой золотоносных песков, был строителем горнозаводского музея и библиотеки, преподавателем горного училища, заведовал бумажной фабрикой, а когда управлял заводом, то в Сузуне проживала вся его большая семья – девять человек.

Ваня, слушая рассказ Ольги Ивановны, наморщил лоб, будто что-то вспоминая, вдруг вскрикнул:

– Он как-то связан с самим Лениным!

– Нет, он жил значительно раньше, а вот его дочь Елизавета – мать Надежды Константиновны Крупской, жены вождя мирового рабочего движения.

– Как интересно в родословных копать, – задумчиво произнесла Копеечка.

Дальше рассказ пошёл о Самойлове Сергее Васильевиче, горном инженере и страстном театрале. Он вместе с братом был ещё и актёром в любительском театре горных офицеров. А вот Александр Александрович Черкасов горное дело сочетал с писательским трудом. В журнале, который редактировал знаменитый Некрасов, опубликовал «Записки охотника Восточной Сибири», а в очерке «На Алтае» написал и про Сузун. Писатель был городским головой в Барнауле.

Ольга Ивановна достала из стола копию рисунка давнего первоизданного Сузуна, которую сделал Пётр Кузьмич Фролов, сын знаменитого изобретателя-гидротехника Кузьмы Фролова.

– Какие были люди, как любили родную землю, – вздохнула Ольга Ивановна.

– А сочинения в школах про них пишут? – поинтересовалась Копеечка.

Ваня пожал плечами:

– Может быть, в старших классах? А надо?

– Конечно, надо, – возмутилась Копеечка, – не путешествовала бы я сейчас – зашла бы в интернет, прочитала бы ваши сочинения и всё бы узнала. А если бы ребята из других городов нашей области читали – сразу бы в Сузун рванули.

– Да ладно? – недоверчиво посмотрел Ваня на Копеечку. – Так бы и побежали!

– А вот ты сам попробуй, напиши, – не сдавалась волшебная путешественница, – слабо?!

– И напишу! – вскочил со стула Ваня.

– Ладно, ладно. Не ссорьтесь, – примирила гостей музея директор. – Писать, действительно, есть о ком.

Она поведала своим собеседникам о Поликарпе Михайловиче Залесове, сыне простого сержанта, выросшем в талантливейшего инженера-изобретателя, который на 80 лет раньше европейцев разработал первую паровую турбину. Он проектировал и строил по собственным чертежам целые заводы, открыл несколько десятков разных месторождений, два золотосодержащих прииска. Солдатский сын Михаил Сергеевич Лаулин построил чугунно-рельсовую дорогу на Змеиногорских рудниках, придумал новый метод разлива меди, облегчив труд рабочих.

Ну просто Мастера-Самородки!

Рассказала Ольга Ивановна об удивительном сузунском уроженце Филиппе Васильевиче Стрижкове – изобретателе «сверильной машины» для обработки камней. На его станках была изготовлена знаменитая «царь-ваза» – огромная, красивая. Чтобы её увидеть, надо теперь ехать в Санкт-Петербург и шагать в Эрмитаж. А вот иконы Ивана Васильевича Крестьянникова можно увидеть в Новосибирском художественном музее.

Ещё один разносторонний человек, некогда проживавший в Сузуне, Иван Иванович Казаринов, врач сузунского госпиталя, собрал уникальную библиотеку в конце XIX века и сам написал большую работу по лечению холеры.

– Ну, что, Ваня, есть о ком писать? – закончила свой рассказ Ольга Ивановна.

– Есть, – Ваня задумался: – Есть чем и кем гордиться. Есть даже, чем хвастаться.

Копеечка поддержала мальчугана:

– Я точно буду про это рассказывать всем, всем, всем.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРЫШЕЧКИ. ОЧЕРЕДНОЕ ЧУДО

В природе столько чудес, сколько лесов, полей, рек, гор, степей, озер, пустынь, морей, океанов, вулканов, оврагов, грив, просёлков, лесных троп, видов деревьев, ягод, плодов, цветов, трав, зверей и птиц.

Не верите?

Шагайте в лес или на рыбалку, сплавляйтесь по рекам, поднимайтесь в горы, ходите по грибы или ягоды.

Утверждаю, все эти чудеса надо умножить на четыре, потому что весна отличается от осени, а зимой свои чудеса, не похожие на летние. Но и это ещё не всё, опять умножать надо, опять на четыре – утро, полдень, вечер, ночь – от солнышка всё на земле зависит, да и луна, звёзды тоже свои чудеса создают. Настроение природы

вещь серьёзная: когда она радуется – землю ласкает, когда гневается – сметает всё на своём пути, если просто хмурится – дождем землю поливает. Всё по-разному, каждый день на особицу – так что перемножать да перемножать, складывать да складывать. Но главное в гарантии чудесовстреч – распахнута ли душа человеческая, открыта ли на распашку, готова ли к чудесам. Можно ведь ничего не замечать, надуться как пузырь и отделить себя от прекрасного мира. А можно взлететь радостно вместе с пчёлкой, собравшей нектар с цветка, побежать за бабочкой, дивясь взмахам её прелестных крылышек, уложить в душу звёздное сияние неба и мечтать. Мечтать бесконечно.

Ну, распахнули душу настезь? Если да, поспешим в мир чудес.

Прослышала Крышечка, что в Сузунском бору есть домик-невидимка, что живёт в этом домике дед по прозвищу Пирожок, сузунский волшебник – всезнайка. Говорят, знанием его обеспечивают друзья, способные быстрёхонько обежать и облететь всю сузунскую землю.

Прослышала и задумалась – как бы эту избушку отыскать да с дедом тем потолковать. Ничего в голову не приходит. Присела Крышечка на камушек возле речки, пригрелась на солнышке, речною журчащей песенкой заслушалась, да и сама подпевать стала. Вдруг почувствовала, что её в бочок кто-то тихонечко клюнул. Обернулась – сидит рядом с ней синичка-невеличка, жёлтенькое брюшко.

– Ты что, петь умеешь? Волшебная, что ли? – человеческим голосом спросила птичка.

– Умею, – ответила Крышечка, – а ты почему по-человечески речь ведёшь, тоже волшебница?

– А, вот, – отозвалась синичка, – скажешь мне, как меня раньше называли, пойму, что ты многознайка, новым знанием тебя награжу.

– Чего проще, ремезом тебя кликали в старые годы на Руси, – вспомнила рассказы о природе Крышечка.

– А знаешь, кто нашей фамилией был награждён за стремление к знанию сибирского края? – не унималась птичка, гордо подняв кверху клювик.

Припомнила тут путешественница беседу первых встреченных ею на сузунской земле людей о Семёне Ульяновиче Ремезове, строителе Тобольского кремля, первом сибирском картографе и летописце, мастере на все руки, о том, что заложил он фундамент сибирского самознания, припомнила и ответила:

– Знаю, – и, выдержав паузу, радуясь изумлению горделивой птички, произнесла: – Семён Ульянович Ремезов.

У птички глаза стали большими, не ожидала она от простой Крышечки такого знания. Но Крышечка та была сузунская, с народными присказками, прямо на ней написанными, да и сама история Сузуна обязывает к многознанию. Воспользовалась Крышечка растерянностью синички и сама задала вопрос ласково:

– Слушай, милая волшебная птичка, синичка-ремез, не слышала ли ты что-нибудь про избушку-невидимку в Сузунском бору, про деда Пирожка – всезнайку, его помощников и помощниц? Если слышала, то поведай, уж очень мне надо с ним повстречаться, будь добренькой.

– А ты откуда знаешь? – ещё больше удивилась синичка, но потом подумала и ответила: – Да ты же волшебница и любопытница, так что могу тебе сообщить, что с одной из помощниц деда Пирожка ты сейчас разговариваешь.

– Вот как! – обрадовалась Крышечка. – Ну мне, похоже, несказанно повезло! Давай отправимся к нему в гости!

– Счас, прямо, – опять задрала носик кверху синичка, – разрешения спросить надо. Избушка-то невидимка, не всех в гости приглашает.

– А как это быстро сделать? – от нетерпения Крышечка даже подпрыгнула и зазвенела, ударившись о камушек.

– Бока не обомни, торопыга, – ответила синичка и что-то прочирикала пролетающей в это время мимо них своей сестричке, похожей на неё, как близняшка. Та ответила и, взмахнув крыльями, полетела дальше вдоль речки.

Синичка вспорхнула с камушка, села на травку, сделала несколько шажков-коротышек и встала напротив крышечки.

– Я думаю, что дед Пирожок согласится. Он завсегда всякому волшебству рад. Давай-ка, задавай мне вопросы, какие тебя интересуют, чтобы на встрече больше деда слушать, чем самим говорить, – предложила она.

Солнышко тем временем высоко поднялось и стало припекать Крышечку. Она тоже скатилась под камешек в тенёчек в аккурат против синички.

– Уф, вот теперь не жарко. Скажи, пожалуйста, почему вашего знатока Пирожком зовут?

– Две тому причины, – ответствовала синичка, – во-первых, дед очень любит всех своих любопытствующих гостей пирогами угощать. Он великий мастер их печь. И с ягодами, и с грибами, и с рыбой. А какие чаи на травах настаивает – запашистые, духмяные с

медком, да вареньями разными! Кстати, баночки с вареньями и соленьями такими же крышечками, как и ты, закрывает, – улыбнулась птичка-невеличка. – А вторая причина: был у нас краевед Пирожков Пётр Филиппович, он полвека всё сузунское изучал, в газетах печатался, книжки издавал, с фотоаппаратом не расставался, выпустил «Словарик сибирского старожильского народа».

– А кто ещё помощники у этого волшебника? – продолжала задавать вопросы Крышечка.

– Зайцы, они же быстроногие, как мы быстрокрылые. В любое место быстренько добежать могут, потом деду об увиденном и услышанном рассказывают. И зимой, и летом, и весной, и осенью по полям да по лесам носятся.

– А далеко ли избушка та волшебная? – не унималась Крышечка.

– И далеко, и близко. Кто любопытен да землю свою любит, к тем избёнка сама навстречу идёт, а кому всё равно, у кого интереса к природе нет, дак она для тех за тридевять земель, а то и вообще не отыскивается.

– Как это? – не поняла Крышечка.

– Ну, вот, например, – синичка переступила с лапки на лапку, – жили у нас в Сузуне и учительствовали знаменитые краеведы Эмилия Андреевна и Виктор Николаевич Цивелёвы, потомственные, кстати, учителя, дак вот они в туристические походы с учениками ходили, экспедиции организовывали, неудивительно: оба ведь географы, книжки выпускали, Эмилия Андреевна даже директором краеведческого музея была. Чем только не интересовались – и рельефом местности, и полезными ископаемыми, и почвами, и климатом, и про растительный и животный мир много написали. Блестящая у них получилась книжка «Земля Сузунская – земля Сибирская». Там любой абзац сам просится в сказку превратиться. Или вот Михаил Ефимович Земляницын – радетель и участник создания музея в Сузуне. Да много таких людей. К чему это я всё – стоит им любознательным по-серьёзному землицей родной заинтересоваться, историей, природой, археологией, судьбами людей – как изба-невидимка сама к ним подкатывается и дед Пирожок тут как тут – подскажет что, поведает, как секрет или тайну легче открыть.

Прислушалась синичка, в воздух взлетела, обеспокоилась:

– Кто-то к нам интерес проявляет, давай-ка, подружка, под камушком спрячемся.

Они и впрямь уже подружились, шмыгнули под камушек и затаились в тревожном ожидании.

ПУТЕШЕСТВИЕ КОПЕЕЧКИ. СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА

Кажется нам порой, что раньше всё было так же, как сегодня. Это взрослым, а детям даже невдомёк, что их папы и мамы жили по-другому, а уж бабушки и дедушки совсем на иной манер одевались, да и думали, общались по-другому. Оттого, верно, и интересны ребятишкам их рассказы про былое житьё-бытьё, про то время, когда их родители были маленькими, такими же, как они, детьми.

Вот уж Копеечка точно знала про прошлое, хоть и была недавно изготовлена. Её копеечная память особенная, она сберегает знания о всех временах с самого начала чеканки сибирских монет, потому что как только вздремнёт – всё ей это видится в её копеечных снах.

Вот сейчас Копеечка после посещения краеведческого музея решила отдохнуть, завалилась за деревянное музейное крылечко в самый уголок в травушку, чтобы никто не нашёл. Прикрыла глазки и стала смотреть сладкие сны:

Ярмарка! Ярмарка!
Никольская ярмарка!
Просыпайтесь, мужики,
Доставайте пятаки!

Тройки мчались по Сузуну, в дугах, украшенных лентами, побрякивали весёлые колокольчики, разудалая гармонь сменяла зычного глашатая, но она замолкала и опять раздавался призывный голос:

Хозяин, хозяйюшка –
Красная молодюшка!
Развяжите узелки,
Не жалеите пятаки!
Покупайте сладости
Детишкам на радости!

Раньше, в те стародавние времена, монеты бедные люди завязывали в узелки, а кошельки были большими и прозывали их мошной, а мошенники были не обманщики, а те, кто мошну изготовлял, – во сне припомнилось Копеечке.

Тем временем из каждого сузунского двора выходили постояльцы, в большинстве своём бородатые, но в основном весёлые, радостные. Одеты они были в овчинные полушубки, в шабуры, обуты в пимы, на головах лохматые шапки на разный манер. Ярмарка. Морозец на Николу-угодника. Солнышко яркое, снег искристый. Хороша жизнь. Расходился народ, кто к рыбным рядам, где щуки, караси, стерлядь возами; кто на конный базар, приглядеть себе рысака лихого или сподручного в хозяйстве коня-работягу; гончарную и деревянную посуду покупали люди, муку с различных мельниц, зерно, дёготь, постное масло, хомуты, дуги, коромысла, телеги, сани, самотканые полотна, топоры, косы, известь, чугунное литьё, свечи, одежду из выделанной овчины; между рядами ходили коробейники, предлагая бусы, серьги, напёрстки, иголки, нитки; проголодавшиеся могли подкормиться у хозяек, выносящих прямо на ярмарку блины, спрятанные от мороза в старые шубы или лоскутные одеяла. Тот, кто свой товар продал, бежал купить на вырученные денежки необходимое в домашнем хозяйстве и, конечно же, подарки: взрослым дочерям – шали да платки, женам и невестам – бусы да серьги, малым деткам – прянички да ледяные разноцветные петушки, собачки.

Самой большой была Сузунская никольская ярмарка во всей сибирской округе. Сотни километров на лошадах в санях преодолевали купцы, кутаясь в огромные тулупы, прикрываясь сеном, питаясь сибирской ямщицкой, приспособленной к морозам пищей – пельменями.

Копеечка с удовольствием во сне наблюдала, как её старшие сестрицы – полушки, деньга, копейки, полтинники, гривенники – перекочёвывали из кармана в карман, из узелка в узелок, из мошны в мошну. Улыбалась, видя как торгуются парни и девчата, прислушивалась, как забавно бунчат недовольные рядильщики, как

звучат забавные слова: паря, ботало, анчутка, голяшки, гоношить, глыза, гужеваться, зады, калган, каралька, катанки, зарод, карапет, ляга, мохнашки, лизун, кирпичный чай, ладом, падера, пикулька, причиндал, поскотина, сиверко, серянки, тятя, снегурки, торопко, урыльник, хлебово, хмарь, ходок, ходя, шляндать, шубенки, шушенки, батог, варнак.*

Опять во сне подумала Копеечка, что в разных деревнях в те времена был разный говорок, откуда люди приехали, с каких мест, теми наречиями и пользовались.

Ярмарка! Ярмарка!
Никольская ярмарка!
Просыпайтесь, мужики,
Открывайте сундуки,
Доставайте пятаки!

**Паря* – парень; *ботало* – колокольчик на шее у коровы; *анчутка* – человек со странностями; *гоношить* – делать что-нибудь по мелочи, быстро; *глыза* – замёрзший конский помёт, дети играли в «глузку»; *гужеваться* – собираться; *зады* – окраина деревни; *калган* – голова; *каралька* – небольшой бублик; *катанки* – валенки; *зарод* – большой стог сена; *карапет* – шустрый мальчуган; *ляга* – заболоченное место в лесной низине; *мохнашки* – меховые рукавицы мехом вверх; *лизун* – крупный кусок кормовой соли; *кирпичный чай* – плиточный чай; *ладом* – хорошо;

Опять кричали глашатае и ряженые. Но в это время кто-то ца-
рапнул Копеечку за бочок.

– Ой, больно, – закричала Копеечка и, открыв глаза, увидела кота
Ваську, который тоже хотел улечься в пригретом солнышком уголке,
да заметил что-то поблескивающее.

Васька отпрянул, испугался крика Копеечки. Не ожидал. Сел
на задние лапы и опять передней лапкою потянулся к медной
монетке.

– Чего пристал? – закричала Копеечка, подпрыгнула и с диким
криком бросилась наутёк.

Васька, было, кинулся за ней, но остановился – никак не мог взять
в толк, почему вдруг медяшка кричит по-человечески, даже струх-
нул немножко.

падера – буря со снегом; *никулька* – детский свисток из обожжённой глины или
самоделка из ветки тополя; *причиндал* – дармоед; *поскотина* – канава или ограда
вокруг села, чтобы скот не уходил; *сиверко* – северный ветер; *серянки* – спички;
тятя – папа; *снегурки* – коньки с загнутым носом; *торопко* – быстро; *урыльник* –
умывальный; *хлёбово* – похлёбка; *хмарь* – густые сумерки; *ходок* – лёгкая повозка
с плетёным сидением для пассажира; *ходя* – китаец в просторечии; *шляндать* –
бесцельно бродить; *шубенки* – меховые рукавицы, мехом внутрь; *шушенки* – насо-
вшие в носу корки; *батог* – увесистая палка; *варнак* – плохой человек, преступник.

У ДЕДА ПИРОЖКА

Крик да шум всегда разуму помеха. Паника и того хуже, совсем живое существо рассудительности лишает. Вот и синичка с Крышечкой заскочили на камушек, под которым мирно беседовали, оглядываются. Глядь, катится к ним Копеечка, во всю моченьку шумит. Окликнула подружку Крышечка, а та от неожиданности хлоп на бочок и замерла. Синичка к ней подлетела, только хотела клювиком пошевелить, вскочила Крышечка, на камушек запрыгнула, и только теперь увидела подружку-путешественницу. Об-

радовалась, обниматься начала. Потом оглянулась – Васьки нет, он, говорят, возле музея так огорошенный целые сутки и просидел, даже шустрые воробушки к нему подбирались, чуть на лапы не наступали – кот не реагировал.

Обменялись подружки новостями. Крышечка Копеечку с Синичкой познакомила, и решили они вместе к деду Пирожку направиться. А тут ещё откуда ни возьмись подбежали к камушку два зайца, да с ними синичка, нашей знакомой сестричка. Запрыгнули косые на камушек и, ни слова не говоря, ухватили зубками подружек, те и опомниться не успели, как бросились зайки вдоль берега, да с такой скоростью, что у наших путешественниц в ушах ветер засвистел.

Долго ли, коротко бежали зайцы вдоль реки, потом по лесу, но, наконец, остановились, выпустили путешественниц на волю, но следы от заячьих зубов на них так отметинами и остались.

– Уф, – первой пришла в себя Копеечка, – ну и носятся зайцы, как реактивные.

– Не зря их дед Пирожок у себя в помощниках держит, – отозвалась Крышечка.

– А вы откуда про меня знаете? – услышали голос над собой путешественницы и обернулись, подняв глаза кверху.

Перед ними стоял главный сузунский волшебник. Был он кудряв, будто бы ветры буйные его волосы в колечки завивали. Цвет у волос выгоревший, словно осенняя пшеница. Глаза глубоко посажены, большие и синие-синие, как озёра лесные на утренней заре. Брови, словно изогнутые ёлочные веточки, а ресницы длинные, тонкие, как молодая травушка. Высокий лоб, крупный нос с красными прожилками, наверное, для того, чтобы все запахи чувствовать. Но совсем чудесной была борода: не большая, не маленькая, торчала лопатой и совсем рыжая, у больших ушей соединялась с пшеничною кудрявой шевелюрой. Одет был волшебник в косоворотку, не светлого, не тёмного, но зеленоватого цвета, белым поясом перехваченную. Брюки песочные, на ногах лапти. На кудряшках примостилась зелёная фуражечка с зелёным лакированным козырьком и ярко-синим околышем – вроде как военная. Может быть, дед и вправду на службе у матушки-природы пребывал.

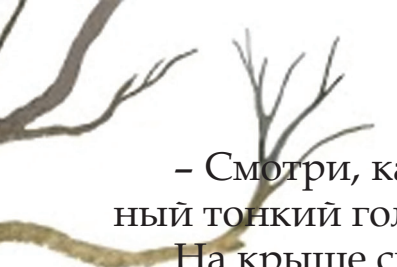
Но больше всего поразили подружек плечи кряжистого низкорослого богатыря – широченные, про таких говорят – косая сажень, и руки, мощные, мозолистые, суставы на них выделялись, как дубовые пеньки.

За дедом избушка – совсем невеличка. Стены из осиновых стволов составлены, по углам, видно для красоты, – стволы молодых берёз. Окошки на каждой стенке разные – на одной два круглых, на другой – будто кусок речки в сосновых берегах, а то, что напротив двери, – как водопад – от самой крыши до земли. Дверь же из досок, словно дорожка к дому, на земле лежит, а в самом начале, то есть вверху получается, если бы дверь стояла, к ней большое железное кольцо приделано.

– Хозяин, наверно, когда в дом заходит, за это кольцо дверь закрывает, – предположила Копеечка.

– Смотри, какая догадливая, – услышали путешественницы нежный тонкий голосок и подняли глаза вверх.

На крыше сидели знакомые им синички.

– А крыша-то, крыша! – воскликнула Крышечка.

Крыша была, действительно, необыкновенная. Плотно прижались друг к другу разные травы – все, что в сузунском районе растут. Некоторые с цветочками, видимо, им время цвести. Труба торчала из зелёного двускатного ковра с правой стороны, ближе к окну-озеру, из белой глины вкрут скатанная.

– Наверно, в избушке печка есть, – догадалась Копеечка.

– Много, что в этой избушке есть, но там пока никто из людей не бывал.

– Не пускаете? – хором спросили подружки.

– Не пускаю, – ответил дед Пирожок. – Да и саму-то избушку видело десятков-другой людей за всю жизнь, что на сузунской земле человечество обосновалось.

– Какие-то особые, видно, люди? – спросила Крышечка.

– Шибко особые, – дед провёл рукой по рыжим усам, – надо им землю родную любить, стремиться знать про неё всё. И не просто знать, а понимать, что человек для того на земле живёт, чтобы хоть чуточку за свою жизнь землю приукрасить, не повредив ей. Добрыми помыслами других людей увлекать и, если потребуется, за родную землю, за её свободу насмерть стоять. Вот ведь оно как.

– Получается, что если войны нет, ни с кем не сражаемся, дак и к Вам дорога заказана, – пожалала круглыми плечиками Копеечка.

– Зачем война, мир лучше. А воевать всегда есть с кем. С теми, кто браконьерствует, лес засоряет, пожары устраивает по глупости да по неосторожности, лес без разбору валит, плохо на земле хозяйствует, – с какой-то грустью сказал Пирожок. – К великому моему сожалению, повод для борьбы у человека каждый день есть и прежде всего с самим собой, а потом уже и с другими.

– Как это – с самим собой? – засмеялась Крышечка и смешно так заколотила своими тонкими ручками себе по медному пузу.

Только хмыкнул дед Пирожок в усы:

– Садись, вояка, на берёзовое поленце, – он указал мощной рукой на десяток толстых берёзовых поленьев, стоящих кругом на лесной полянке. – Сам человек первоначально должен себя сделать, а потом уж с другими воевать. Выучиться, ремеслом овладеть, природу познать, душу и тело закалить, натренировать, разум обрести, жизнь понять.

Дед и подружки расположились на берёзовых поленьях и только беседу начали, как послышался шум, будто ветер перед грозой налетел. Это сотни помощников сказочника прилетели и прибежали на поляну: синички-сестрички расселись на лапах ёлок и сосёнок, длинноухие, скорые зайчишки образовали кольцо вокруг полянки.

– Всё готово, всё готово, всё готово, – пели синички.

– Всё готово, всё готово, всё готово, – шепелявили сотнями ртов зайчишки.

– Что готово? – громко, стараясь перекрычать птиц и зайцев, хором спросили путешественницы.

– Парад, парад, парад, – пропели синички.

– Парад, парад, парад, – забарабанили передними лапами по земле зайчишки.

– Какой парад? – устремили подружки на деда удивлённые глаза.

Тот встал, довольно крякнул и ответил:

– Чудо-парад. Такого никогда не видывали. Сузун – это не баранчихнул. Сузун – природное раздолье, мастерская чудес.

ПАРАД. ЧУДО-ПАРАД

Парадный строй бывает разный – показатель, вроде как карнаваль-ный, и мощный, сильный, единый. Первый – это так, для увеселения, в нём хочешь – идёшь, не хочешь – не идёшь. Второй – это марш по земле родной, в одном с ней строю, когда души чеканят шаг в ритм, заданный Родиной, чтобы все видели, как она сильна и богата. А чудо-парад – это прозрение, когда видишь то, о чём ещё вчера и подум-ать не мог, в голову не приходило.

Недолго шли по летнему лесу дед Пирожок и его спутницы, ко-торые вовсе и не шли, а их несли всё те же зайцы, аккуратно взяв в зубки за те места, на которых уже остались следы. Вышли на яри-стый берег Сузунки и остановились. Оказавшись на собственных волшебных ножках, Копеечка и Крышечка стали оглядываться. Они находились на небольшой полянке, окружённой вековыми со-снами. Берег у реки резко обрывался, так что даже страшно было подойти к краю, а на другом берегу быстро журчащей речки распо-лагалась довольно большая полукруглая поляна, покрытая низкой травой, с узкой песочной полоской вдоль речки. Лес же, окружаю-щий поляну, был настолько густ из-за смешения низких молодых берёзок, осинового молодняка и редких сосен, что казался непро-ходимым кусочком тайги, скрывающим что-то очень важное, таин-ственное.

Дед Пирожок уселся на травку, посадил к себе на одну коленку Копеечку, на другую – Крышечку, зайки уселись рядом, а синички-сестрички устроились прямо на дедовых плечах.

Копеечка хотела было что-то спросить у сузунского поле-лесо-земле-птице-звере-рыбознателя, как из чаши леса на другом берегу вышли четыре рыси. Они шли, грозно рыча, окидывая взглядом противоположный берег, шевеля маленькими ушками с длинными волосиками-«антеннами» на их верхушке.

– Не ласковые, похоже, кошки, – сказала Копеечка и ручонкой ухватила за песочные штаны деда.

An illustration of a forest scene. In the foreground, three lynxes are perched on a large, grey rock. The central lynx is the largest, with a light brown coat and dark spots, looking directly at the viewer. To its left is a smaller, grey lynx with dark spots, also looking forward. To its right is another lynx, slightly behind, with a brown and grey mottled coat. In the bottom left corner, a small, light brown lynx cub is standing. In the background, there are tall, thin trees and dense green foliage. A small, dark silhouette of a wolf is visible in the distance on the right side.

– Не щиплись и не бойся – это парад, – спокойно проговорил могучий дед и рукой погладил Копеечку.

Рыси тем временем миновали полянку и скрылись в чаще, а из неё, только с другой стороны, вышли волки. Их было десятка два. Коричневато-серая шерсть, сильные лапы. Ну собаки и собаки. Волки остановились посреди поляны, как

по команде вскинули головы вверх и завyli, то ли жалуясь на свою волчью жизнь, то ли напоминая обитателям леса о своём существовании. Исполнив свою арию, они тоже скрылись в лесу. На поляне следом за ними объявились хитрющие лисы – пушистые, усаые, в красновато-рыжих шубках.

В месте, откуда выходили звери, что-то затрещало, будто кто-то ломал молодые деревья и старые лежащие на земле ветки, и перед принимающими парад волшебниками появились лоси. Большие, красивые,

мощные самцы с разветвлёнными рогами-коронами вышли на поляну вместе с маленькими лосятами. Казалось, лоси были напряжены, улавливая запах покинувших парадный берег рысей и волков. Но шли гордо, демонстрируя свою статью.

– Ой, какие красавы! – воскликнула Копеечка.

– А лосята-то, лосята, – разделила с ней восторг Крышечка. – Милые, смазливые.

– Лепота, – крикнул дед Пирожок.

– Пи-пи-пи, – заверещали синички, будто соглашаясь с волшебниками.

И опять затрещали ветки – лоси удалились в лес. Но один маленький лосёнок решил водицей насладиться и, отстав, подошёл к реке, стал жадно пить. За ним вернулась мама-лосиха. Она не торопила своё чадо, а терпеливо дождалась, пока лосёнок напьётся, и только потом мотнула головой, задев своего малыша, будто предлагая ему догнать сородичей.

Далее парад перестал быть грозным. Через полянку «батальонами» прошли зайцы – беяки и русаки, белки с орешками в лапках, норки, колонки, хори, сурки, барсуки, ласки, горностаи. Ежи – продвигались как неприступные колючие оборонительные цепи, за ними двигались землеустроители – кроты, бобры, сурки, бурундуки, хомяки и даже мышки – представили все свои виды – домовые, полевые и лесные.

Веселились, хлопали в ладошки путешественницы, наблюдая за низкорослой природной ратью.

Завершая наземную часть парада, вышла из леса стайка принцесс – красавиц косуль. Они резвились на поляне, скакали, прыгали, словно играли друг с другом в догонялки.

А когда тоже удалились в лес, Крышечка, чуть ли не со слезами на глазах, произнесла:

– Неужели всё? Кончился парад?

Грустными глазами путешественницы посмотрели на деда Пирожка. Но тот только загадочно пошевелил усами.

И в это время застучали по деревьям, усевшись поближе к верхушкам, разноцветные дятлы, заохали примостившиеся пониже совы, будто отдыхиваясь от дальнего полёта; закуковали кукушки, располагаясь на ветках ниже сов.

Это зрелище опять привело в восторг принимающих парад. На реку с размаху плюхались утки всех мастей и окрасок, сизопёрые селезни, скромные уточки, гагарки.

Не успели сузиться расширившиеся от удивления глаза путешественниц, как их такими же огромными пришлось поднять в небо, где пролетали лебеди-кликуны, серые журавли и гуси, а на поляне за рекой стали усаживаться, распустив веером хвосты, глухари, за ними тетерева, куропатки – белые и серые.

рябчики, серые цапли, приземлившись, гордо зашагали по прибрежному песочку. На деревья стаями опускались синицы, воробьи, снегири, грачи, свиристели, жаворонки, дрозды, пеночки, поползни. И, наконец, на поляне появились чёрные аисты, а в небе высоко-высоко закружили коршуны.

– Вот это да, вот это да. Вот это картина, – уселась на травку Копе-
ечка, сражённая увиденным.

– Наш Сузунский бор, леса, поля, озёра, реки – это центр кочевья птиц, центр перелётного царства, – с гордостью сказал дед Пирожок. – Смотрите, смотрите во все глаза. Больше такого никогда не увидите.

Ещё пару-тройку мгновений наслаждала глаза путешественников крылатая сузунская эскадрилья, а потом, как по команде, взмахнула крыльями и, создав крылотворный ветер во всей округе, растворилась в синем-пресинем небе.

Ошеломление сменилось грустью. Загрустили не только путешественницы и дед Пирожок, но и сосны и ели, берёзки и осинки, трава, лесные цветы, даже речка, казалось, запела другую, медленную песню.

И поплыли по реке, почему-то вверх по течению, венки из сузунских трав. Дед Пирожок взял в могучие руки подружек и, подойдя к самому обрыву, сорвал большой лист лопуха, сел на него и, как по горке, по приготовленному заранее спуску, со скоростью ветра спустился к самой реке.

– Вот смотрите, каких только трав нет на нашей земле и как они красивы, – пробасил он.

Действительно, парад будто бы продолжался. Щуки, скрываясь на небольшой глубине, тянули венки из медоносных трав: донника, клевера, люцерны, васильков, кипрея, сурепки; осетры – из лекарственных трав, их такое множество, что всех и не перечислишь; стерлядки буксировали венки из огоньков, судаки – из чабреца, сазаны – из солодки, лещи – из стародубки, карпы – из кувшинок, налимы – из крапивы и полыни. В середине венков были уложены, как на тарелочках, грибочки и ягоды: белые грибы, грузди, опята, подберёзовики и подосиновики, лисички, рыжики, смородина, малина, черника, ежевика, калина...

– Вот эта флотилия – тоже наша слава, – гордо сказал дед Пирожок.

Смеркалось. Путешественницы от впечатлений выглядели такими усталыми, что дед Пирожок, по своему обыкновению, проворчал довольно, что укатали их сузунские чудеса, да и положил обеих за пазуху в карман, где они обе уснули, согретые теплом волшебной дедовой души, и даже снов не было, потому что и наяву им пришлось столкнуться с таким обилием чудесного, что не каждому живому существу иной раз и за всю жизнь доведётся увидеть.

СУЗУНСКИЙ ПИР

Веками славна сузунская земля хлебосольством да гостеприимством. Люди, что на земле живут, добрее, чем в городах. Знакомо им чувство сострадания к путнику, путешественнику, что в пути намаялся, самым ведь приходится, если куда выехать, вёрсты нелёгкие отсчитывать. Знают они, что такое без крыши над головой да без тепла встретить вечернюю зарю, когда весь день в дороге или на ногах прокрутишься. Опять же труд крестьянский, что полевой, что домашний, особый характер воспитывает. Деревенская жизнь не лежебокская, а от зари до зари быстроногая, один огород обиходить сколько труда надобно, а ещё дров нарубить, угля, воды наносить, за скотиной убирать, накормить коров, лошадей, свиней, курей, уток, гусей... Зато и порадовать гостей солёными огурчиками, помидорчиками, добычей охотничьей да рыбацкой, это крестьянину в удовольствии.

Эти традиции природного человека и составили суть деда Пирожка, он и добытчик был знатный, и хозяин хлебосольный, всякому доброму человеку угодить был готов – чтобы душа человеческая радовалась и дружеским теплом наполнялась.

Задумал дед Пирожок позвать в гости тех, кто Крышечку и Копечку в странствие на его землю направил. Как задумал, так и сделал, ему, волшебнику, это дело пустяшное – в своей голове приглашение сформулировал да сказочной душевной почтой и отправил.

Сгорала от нетерпения тем временем детвора, что послала кругленьких волшебниц путешествовать в сузунскую землю. Спорили между собой, что у них там ладно, что нет. Сны всякие видели: и тревожные, и интересные, и с приключениями, и даже страшные.

Вот один раз собрались они все на даче, сговорились и деда поджидают. На этот раз он заставил себя долго ждать. Ребятню уже спать отправляют, а они своё – дождёмся и никаких тушканчиков – поговорку прадедову вспомнили. Вернулся дед из города – усталый, голодный. Внуки ждут, у знакомого нам уже костерка сидят. Вышел дед на крыльцо высокое, стоит воздухом ласковым, дачным дышит. Внуки сидят, между собой тихонечко перешёптываются.

– Ну что, заговорщики, – подошёл к ним дед, прищуриваясь, чтобы настроение молодого поколения лучше разглядеть – Что задумали? Признавайтесь.

Встал Вова, уступая место деду посередине широкой и длинной лавочки. Сам к костру отошёл, чтобы тот освещал его, и стал говорить громко, стараясь ясно излагать мысли.

– Мы тут посоветовались и решили, что пора нам к путешественницам присоединиться. Волнуемся мы, как у них там всё складывается.

– Да, – хором подтвердили Саша-мальчик и Николас, приехавший погостить в Сибирь из Нью-Йорка.

Даша соскочила со своего места и обняли деда – она всегда так делала, когда ей надо было выразить свои чувства.

Саша-девочка старалась заглянуть деду в глаза, понять, как он на этот раз отнесётся к их предложению, ведь не раз они уже заговаривали об этом, но дед всегда отнекивался, мол, доверили Копежке и Крышечке важное дело, пусть справляются. Но на этот раз возражений они не услышали. Дед улыбнулся и сообщил:

– Я как раз приглашение из Сузуна получил.

– От кого? – вскочили все со своих мест.

– От наших? – спросила Саша.

– Не от ваших, – ответил дед, – а от хранителя тайн земли сузунской деда Пирожка.

Ребята переглянулись.

– Что это ещё за дед Пирожок? – поинтересовался Вова.

– Дед Пирожок, – прыснула Даша, – смешно как.

– Так, – скомандовал дед, – сейчас всем спать. Завтрашний день на сборы. Выезжать будем послезавтра утром. Рано. А сейчас, гвардия, умываться, зубы чистить и отбой.

Долго не могли уговориться в своих постелях внуки. Саша то и дело свешивался с кровати, он спал на втором ярусе, и делился размышлениями. Вова и Даша шушукались о чём-то, с головой прикрываясь одеялом. Саша-девочка перешёптывалась с Николасом.

Долгим показался день сборов ребятишкам. Но вот долгожданное утро. Все разместились на трёх машинах. Дети уселись к своей любимой тётушке – Алёнке, а Вова вызвался ехать с дедом, родители сели к бабе Ире. Дед с Вовой по дороге забрали с собой сузунскую команду – знаменитого писателя Щукина и великого книжника – Алексеева. Звали первого Михаил, а второго – Владимир. Отчество же у них было одинаковое – оба Николаевичи. Дорога не близкая, почти двести километров надо было преодолеть путешественникам.

Дети сначала глазели в окна, потом сон сморил их, только Вова, находясь во взрослой компании, старался тоже быть взрослым. Прислушивался к разговорам, читал названия рек и деревень на дорож-

ных столбах, но потом тоже задремал. Понятно, хоть и Аника-воин, но ещё малец.

По дороге остановились. Перекусили, свернув на просёлок. Варенные яички, огурчики, помидоры, бутерброды с колбаской и солёным салом – лучшая на свете походная еда. Уплетали её путешественники за милую душу. Но вот и Черепаново, отмотали сто «вёрст», поворот направо. Сначала лесостепь, потом по обеим сторонам дороги пошёл лес. Бор. Ребята с восхищением читали названия деревень и таблички с указанием года их основания. Все чувствовали, что приключения начались.

У свёртка налево на просёлочную дорогу, куда-то в бор, стоял мальчик, невысокого роста, крепкий. Дедова машина притормозила, за ней остановились ещё две. Спутники деда сразу узнали Ваню Теряева, которого дед Пирожок послал встретить гостей. Все высыпали из машин, чтобы познакомиться с проводником, – и дальше в путь.

Напряжение нарастало, воображение ребяташек рисовало разные чудесные картины, встречу с Копеечкой и Крышечкой. Лес за окнами автомобилей казался загадочным, полным тайн и чудес.

Дорога пошла вниз, лес чуть поредел, и машины остановились на поляне у реки.

Сказать, что встреча превзошла все самые дерзкие фантазии, ничего не сказать.

Перед приехавшими стоял строй сузунских волшебников. Конечно, во главе с дедом Пирожком. Здесь были хозяйки рек и озер, полей и лесов, тропные плутни, грибные цари и князья, ягодницы, домовые старосты со всех деревень, братья ветры, зорьки – утренняя и вечерняя, полудница, травницы разноликие и десятки лесовиков и лесных фей.

Остолбенели гости. Довольные произведённым впечатлением Копеечка и Крышечка, вдруг объединив свои голоса в один, командовали:

– Трофеи к ногам гостей!

Лесовики, зелёные молодцы, дружными рядами понесли и стали бросать знамена и штандарты крепости невежества. А когда церемония закончилась, Копеечка и Крышечка забрались на верх кучи трофеев и отрапортовали:

– Мы их победили, мы многое узнали. Теперь расскажем всем, всем, всем мальчикам и девочкам Новосибирской области.

– Вот когда мальчишки и девчонки познакомятся с вашими отчётами, с вашими рассказами, тогда и падут их личные крепости

невежества, – перебил дед Пирожок подружек и обнял всех гостей по очереди. – А теперь к столу: по нашим обычаям сначала накормим, напоим, а потом разговоры поведём.

Только теперь гости заметили, что у самой реки стоят столы, накрытые цветочно-травными скатертями, что на столах стоят пироги с рыбою, с дичью, с ягодами, с грибами, что рядом с пирогами графины и штофы с квасами тысячи сортов, что в начале каждого стола пыхтят самовары, а возле них заварнички десятками. Мёда да варенья в деревянных баночках по всем столам расставлено так, чтобы все их попробовать могли.

Уселись волшебники и гости за столы, начали пировать. Над столами музыка зазвучала, сначала мелодии жившего в этих местах композитора Василя Тухначёва, потом будто гармошки заиграли в руках замечательных сузунцев – братьев Заволокиных – Геннадия и Александра.

Долго шёл пир. Ещё дольше вели разговор гости с волшебниками и поняли они, что богата земля сузунская, природою щедро одарена, людьми знатными да талантливыми знаменита. Но главное её богатство и счастье в том состоит, что трудятся на этой земле люди, к ней неравнодушные, труженики всех профессий, что самим же людям нужны, для жизни их необходимы. В лихую годину готовы за родину встать, на смертный бой пойти, в мирное время хлебушек, что всему голова, растить, деток поднимать и воспитывать. Любить!

Честно признаюсь, я на том пиру был. Мёды и квасы пил, хотя больше всего люблю молочко, да из крыночки, хоть парное, хоть холодное, да с пирожками, да с булочками, с ватрушками, что заботливыми бабушкиными или маминными руками приготовлены да в сказочной родной русской печи испечены. А что может быть ещё вкуснее и лучше! Сыт, тогда и сказки можно слушать и сочинять.

*Иллюстрации к сказке «Сузунские подружки», выполненные
учащимися художественного отделения Сузунской ДШИ,
преподаватели Брацунова О. А. и Маторина Ю. А.*

«Ягодная царица». Фидлер Полина (12 лет)

«Разговор у костра». Бодрова Виктория (10 лет)

«У костра». Кутузова Александра (10 лет)

«Встреча». Рагозная Анна (12 лет)

«Полушка и Марьюшка». Кокунова Полина (9 лет)

«Многошляпник Сузунский». Ярыгина Алиса (8 лет)

«Дед Пирожок». Савельев Иван (9 лет)

«Крышечка в сузунском лесу». Утёнкова Алиса (8 лет)

«Указом Екатерины II». Макарова Дарья (10 лет)

«Владыка боров и лесов». Куликова Полина (7 лет)

«Саша списывает поговорки с сузунских крышек». Александрова Соня (8 лет)

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие юные читатели! В. Дубовицкий, В.Теряев	3
ПОЧЕМУ ПРО СУЗУН? Владимир Шамов.....	4
ЗАЧИН	6
У КОСТРА	9
ПУТЕШЕСТВИЕ КРЫШЕЧКИ. НАЧАЛО	12
ПУТЕШЕСТВИЕ КОПЕЕЧКИ. ТОЖЕ НАЧАЛО	15
СУЗУНСКИЕ ВОЛШЕБНИКИ	17
ПУТЕШЕСТВИЕ КРЫШЕЧКИ. НА РЫБАЛКЕ	23
РАЗГОВОР С РЕЧНЫМИ ЦАРИЦАМИ	25
ПУТЕШЕСТВИЕ КОПЕЕЧКИ. У СОБСТВЕННОГО ПАМЯТНИКА	31
В МУЗЕЕ	34
ПУТЕШЕСТВИЕ КРЫШЕЧКИ. ОЧЕРЕДНОЕ ЧУДО	40
ПУТЕШЕСТВИЕ КОПЕЕЧКИ. СТАРОДАВНИЕ ВРЕМЕНА	44
У ДЕДА ПИРОЖКА	48
ПАРАД. ЧУДО-ПАРАД	52
СУЗУНСКИЙ ПИР	59
Иллюстрации к сказке «Сузунские подружки», выполненные учащимися художественного отделения Сузунской ДШИ, преподаватели Брацунова О. А. и Маторина Ю. А.	64

Владимир Викторович Шамов

СУЗУНСКИЕ ПОДРУЖКИ

Художник *Лазарева Л. П.*

Редактор *Н. К. Герасимова*

Корректор *Т. Ю. Сенокосова*

Компьютерная вёрстка *Н. Т. Фёдорова*

Подписано в печать 14.07.17. Формат 60х84/8. Объем 8,0 усл. печ. л. Бумага офсетная. Тираж 1500 экз. ООО «Сибирское книжное издательство», 630099, г. Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33. тел.: 227-09-67. Типография ООО «Новополиграфцентр».